

МАЙЯ ГЕЛЬФАНД

«Это роман о пустоте, о трудноуловимой границе между гармонией и диссонансом, между рабством и свободой, между желанием любви и самой любовью».

АЛЕКСАНДРА МАРИНИНА

ЗА ЗАКРЫТЫМИ ДВЕРЯМИ

Счастье рядом

Майя Гельфанд

За закрытыми дверями

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Гельфанд М.

За закрытыми дверями / М. Гельфанд — «Издательство АСТ»,
2021 — (Счастье рядом)

ISBN 978-5-17-145994-9

Две женщины – мать и дочь. Две истории терпения и умения примириться с утратами. Мужчина в их семье может быть только внуком и сыном, зато ему безраздельно отданы исстрадавшиеся сердца. Всю жизнь окруженный женщинами, Леонид чувствовал и понимал их, как никто другой. Женская любовь питала его, давала надежду и силы жить. И он искал ее в каждой женщине, которая попадалась на его пути, и ему всегда было мало. Когда супругой Лени стала Наталья, скромная театральная костюмерша, его близкие приняли ее неласково, но вынуждены были смириться. Наташа была великолепной во всех отношениях женой, а муж изменял ей, его воротило от ее идеальности, но он молча нес свой крест, пока на его пути не появилась яркая, харизматичная Соня... Эта история о женском долготерпении и желании обладать единолично и полностью, простоте и коварстве, которые порой идут рука об руку.

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-145994-9

© Гельфанд М., 2021
© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть первая	6
Леонид	6
Наталья	9
Мусечка	13
Наталья	20
Леночка	22
Леонид	28
Леонид	30
Моисей Иосич	35
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Майя Гельфанд

За закрытыми дверями

© Гельфанд М., 2021

© ООО «Издательство «АСТ», 2022

Часть первая

Леонид

Треск, грохот, вопль, страх... Его тело подпрыгивает и с шумом, как ему кажется, приземляется на кровать; он резко открывает глаза, вскакивает и оглядывается. «Тьфу, это всего лишь проклятый будильник!»

Уже полгода ему не удавалось нормально поспать. Он просыпался разбитый, будто всю ночь таскал мешки. Во рту было противно и кисло, голова болела, глаза слипались... Лежа в постели и мучаясь от бессонницы, он думал о том, что завтра предстоит новый день и он будет чувствовать себя так, будто его сварили в киселе, а потом вынули из кастрюли размякшим, рыхлым, с чугунной головой и притушенными эмоциями.

Все-таки не спать, да еще в его возрасте, – это преступление! А заснуть никак не удавалось. Он ворочался с боку на бок, глядя в темноту стеклянными глазами, стонал, пытаясь притянуть к себе сон, считал овец, коров и прочий домашний скот, который толпился в его измученном сознании. Все без толку. Сон не шел. Иногда он просто тупо глядел в потолок, где новенькая хрустальная люстра печально поблескивала в свете уличного фонаря и приглушенного лунного сияния. Хорошо, если бы хоть идеи приходили толковые, может быть, даже на грани гениальности, но нет! Как назло, в голову лезли какие-то ошметки мыслей, осколки размышлений, жалкие обрывки замыслов. Тьфу, проклятая бессонница!

Заснуть удалось только под утро. Рванный, поверхностный сон не только не принес успокоения истерзанному организму, но лишь утомил еще больше. Когда раздался звонок будильника – ровно в 8:30 – Леонид со злостью треснул по нему ладонью и, с трудом продирая глаза, попытался оторвать от подушки затекшую свинцовую голову. Но куда там! Она даже и не собиралась подниматься, лежала как прибитая.

«Еще пятнадцать минут», – подумал он и снова задремал. За эти четверть часа ему даже что-то приснилось (что именно, он, конечно, не смог бы вспомнить), но эти минуты стали целебными – полноценным, хоть и коротким, настоящим сном. И в 8:45 он, посвежевший, хотя по-прежнему недовольный и помятый, поднялся с кровати, не глядя, сунул ноги в тапки и поплелся в ванную.

Там он принялся разглядывать себя в беспощадном громадном зеркале. Глазки маленькие, заплавленные, еле виднеются над массивным носом и опухшими щеками, растрепанные волосы повисли седыми сосульками, правая рука чуть подрагивает...

Его охватила паника – неужели опять? Он взял стакан, попытался наполнить его водой, но чуть не уронил его. Поставил, стараясь унять тремор – и не смог... Стало по-настоящему страшно. Это старость? Или еще хуже?

Спустя несколько минут дрожь утихла, и он снова был в состоянии владеть собой. Озноб, охвативший его, тоже отступил.

Он начал свои рутинные утренние процедуры.

* * *

А в соседней комнате, в своей кровати, осталась Наталья. Леонид думал, что она спит, и ушел, не заглянув к жене – ему было неинтересно. Он знал, что Наталья лежит, уткнувшись носом в подушку, в уголке рта у нее засохла слюна, а волосы безобразно слиплись.

Он даже не стал дожидаться, пока она проснется, чтобы накормить его завтраком и проводить на работу. Зачем? Леонид и так прекрасно знал, что они будут пытаться делать вид, будто все в порядке, все идет отлично, жизнь течет гармонично и счастливо, к обоюдному удовольствию. Она опять начнет говорить глупости – рассуждать о ценах на продукты, которыми замучила всех вокруг, тараторить о том, что какая-то певица опять сделала пластическую операцию и сколько можно, а Лилечка хоть и хорошая девочка, но разгильдяйка, потому что они ее упустили, и она, ее мать, не понимает, как это может быть, чтобы девочка в почти что тридцать, слава богу, не сглазить бы, лет, вела такой образ жизни, потому что нынешняя молодежь инфантильна и безответственна... Обычно при этом она робко заглядывает в глаза, словно спрашивая: не сморозила ли чего лишнего? И оба знают, что да, сморозила, и вообще, постоянно несет чушь, и что лучше бы помолчала, а то сил нет слушать ее разговоры. От страха она будет болтать еще больше, и все несуразности, ни слова по делу, ни намек про то, о чем стоит поговорить... К счастью, за годы совместной жизни он выработал привычку только делать вид, что слушает ее болтовню и, не прерывая, уноситься мыслью в иное пространство и измерение. В конце концов, он был актером, причем хорошим.

Она тоже спала плохо, часто просыпалась. Бессонница была ее давней спутницей. Сколько страшных мыслей передумала она, лежа с открытыми глазами и прислушиваясь к тишине, сколько мучительных кошмаров пережила, в одиночестве ожидая его возвращения... Но со временем и к этому привыкла. Теперь бессонница стала обычным делом, она уже не видела в ней ни помеху, ни досаду. Наоборот, это было время, когда можно было спокойно, без суеты, подумать о предстоящем дне, за который нужно успеть приготовить обед, сбежать на маникюр, заглянуть в женский журнал.

Но по большей части, когда не спалось, она просто глядела в потолок и не думала ни о чем, просто лежала. Когда он просыпался, она тут же открывала глаза, как верная псина, чутко реагирующая на любые движения хозяина. Она умела безошибочно определять по звуку, где находится муж, и угадывать его действия: вот он сердито скрежест зубной щеткой; вот жужжит электрической бритвой, смешно морща лоб, надувая щеки, вытягивая губы; вот выбирает себе рубашку на день... Отглаженные, они висят в шкафу ровно, ожидая его решения. Она лично их гладила и развешивала.

Леонида иногда раздражала эта ее последовательная, педантичная, граничащая с паранойей, тяга к порядку и стабильности; ее однообразные, заученные движения; одни и те же повторяющиеся фразы; одинаково угодливое выражение лица. От этого становилось скучно и тоскливо... Но в то же время в этом было нечто уютное и привычное.

Им было хорошо вместе, потому что оба знали: у них все привычно, притерто, пристойно... Одним словом, принадлежно друг другу. Они вместе ездили на отдых за границу, ходили в гости. Изредка посещали рестораны – на день рождения, там, или на годовщину свадьбы. Иногда тихо переругивались, иногда тосковали друг без друга, а иногда тосковали вместе.

Они разглядывали друг друга долго, много лет, как двое неизлечимо больных, которые лежат в одной палате и от нечего делать пялятся изучающим взглядом. Наконец, узнав каждую черточку, успокоились и смотреть перестали, потому что нового и интересного ничего не появлялось, лишь досадные приметы возраста, замечать которые не хотелось. И оба знали, что дальше будет только хуже, а рассматривать обидные напоминания о прожитой жизни, об упущенных возможностях, о несбывшихся надеждах, которые отпечатались в лице, на руках и в сердце, было не приятно.

* * *

Он вышел из дома и поплелся к автомобилю, с тоской думая о том, что придется пробиваться сквозь тель-авивские пробки. Впрочем, лицо его тут же просветлело, когда он увидел свою новенькую блестящую машину. Он нежно любил ее, такую аккуратную и шикарную, и глядел на нее так, как никогда в жизни не смотрел на собственную жену, – с обожанием, с восхищением, с самодовольной улыбкой обладателя. Он ее честно заработал, эту машину! Честно добился ее расположения, долго ухаживал за ней, вкладывал не только душу, но и солидные финансы и теперь не без основания рассчитывал на взаимность. И она полностью удовлетворяла его запросам и требованиям, обеспечивая тело комфортом, а дух – ощущением собственной значимости и успешности.

С удовольствием усевшись за руль в удобное, буквально подогнанное под его габариты кресло, Леонид кивнул сам себе, отмечая недавно вымытый салон и вдыхая запах специальных автомобильных духов. Потом врубил музыку и, чуть приоткрыв окно, так, чтобы свежий воздух не дул в лицо, а лишь поглаживал, приготовился к стремительной езде. Но не успел он занести ногу для того, чтобы выжать газ, как путь ему перегородила Наталья.

– Ленечка! – закричала она испуганно и даже почти страстно. – Ты вот это... обед забыл. У тебя же гастрит!

Сделав скорбную мину, Наталья принялась просовывать заботливо упакованный в пластиковую коробку обед в узкую оконную щель, согнувшись и пытаясь заглянуть мужу в глаза.

Леонид хотел было опустить стекло и даже потянулся к кнопке, но передумал. «А, и так пролезет», – решил он. Наталья поднатужилась, поднажала, чуть присела, ее растрепанные волосы некрасиво легли на плечи, рот скривился, и наконец она с трудом затолкнула злополучную коробку. При этом ноготь на ее указательном пальце сломался.

– Вот, – заключила она удовлетворенно, справившись с нелегкой задачей.

– Спасибо, – буркнул Леонид, изобразив на лице нечто похожее на улыбку.

Одним небрежным движением он завел автомобиль, закрыл к чертовой матери окно, чтобы не выходил свежий кондиционированный воздух, а заодно – чтобы не видеть жену, выжал газ и укатил.

Завернув за угол, он остановился у первого же мусорного бака и выкинул коробку с обедом.

Наталья

Проводив Леонида долгим взглядом, Наталья поплелась домой. Она вошла в роскошное лобби огромного многоэтажного здания, построенного совсем недавно, буквально полтора года назад. Наталья давно мечтала о новой квартире и потихоньку, в своей излюбленной манере умелого манипулятора, подталкивала мужа к мысли о том, что пора бы им сменить место жительства. Он, как всегда, сердито ворчал и отмахивался, но со временем мысль о новой квартире перестала казаться ему столь уж вздорной. А что, жизнь-то на месте не стоит, нужно соответствовать ее запросам и вызовам!

Наталья умела ждать. В этот раз период ожидания занял дольше обычного: с тех пор, как в голову Леонида удалось заронить первые семена мысли о новой квартире, прошло пять лет, пока эта идея засела крепко, пустила корни и наконец созрела и оформилась в виде самостоятельно принятого им решения. Наталья никуда не торопилась.

Роскошное лобби новенького небоскреба, где они поселились на шестом этаже, было великолепно. Его освещала громадная люстра, и днем среди ее хрустальных завитушек весело резвился солнечный свет, а по вечерам торжественно и важно – электрический. Возле маленького столика с вазой, в которой стояла живая орхидея, уютно расположились два кресла – на случай, если кому-то из жителей или посетителей придется подождать в подъезде. Здесь же – небольшой книжный шкаф с дежурным набором из популярных детективов, кулинарных книг и журналов. Каждый раз, проходя мимо этой своеобразной библиотеки, Наталью охватывало чувство гордости, нет – настоящий триумф! Вот она, Наталья! Она теперь живет припеваючи, как самая настоящая барыня, дама из высшего общества, богатая леди.

Возле лифта, в небольшом закутке, сидит консьерж – немолодой одутловатый мужчина со старомодными очками на носу, грязными волосами и вежливой улыбкой. Его зовут Анатолий, но все называют его просто Толик – те, кто с ним здороваются, конечно. И те, кто вообще замечает его существование. А ведь многие проходят мимо, лишь слегка кивая, и то не всегда. Зато Анатолий всех знает и помнит. Он знает, кто водит к себе проституток, а кто – соседку снизу, когда жена на работе. Знает, кто закатывает вечеринки с выпивкой и громкой музыкой, а кто чинно сидит за пятничным столом в окружении многочисленного потомства. Знает, кто заказывает на ужин пиццу, а кто возится со сложносочиненными блюдами. Консьерж – такой человек, который знает все... Только об этом никто не догадывается. В его обязанности входит следить за всеми, кто посещает многоэтажный роскошный дом, больше похожий на офисное здание, чем на жилое помещение. По-хорошему, он должен вежливо интересоваться, кто, зачем и к кому пожаловал, но он стесняется – мычит что-то невразумительное себе под нос и стыдливо улыбается. Поэтому никто его всерьез не воспринимает, просто проходят мимо.

Вообще-то она могла бы и не входить домой через лобби, а просто зайти с парковки в лифт. Но она почему-то все равно зашла сюда, чтобы пройти мимо Толика, которому лишь слегка кивнула. Тот вежливо улыбнулся ей в ответ. Наталья вдруг сообразила, что со стороны выглядит не особо прилично: с помятым лицом, в небрежно накинутом поверх ночной рубашки халате, с некрасиво взлохмаченными волосами... Впрочем, мнение Толика о ее внешнем виде несколько не волновало Наталью. Не оглядываясь, она нажала на кнопку лифта и вознеслась к небесам, на свой шестой этаж.

* * *

Любить – просто, честно и тихо – она умела. Наталья была великолепной во всех отношениях супругой – хорошо выглядела, отлично вела домашнее хозяйство, прекрасно готовила... И молчала – о главном, конечно. В принципе, она не мешала. Никогда не лезла в жизнь мужа,

не требовала повышенного внимания, не устраивала скандалов, не просила денег. В качестве жены успешного актера она была безупречна: на редких светских вечеринках вела себя тихо и скромно; одевалась со вкусом, но не ярко; никогда не сплетничала и не выносила сор из избы; на губах ее всегда и для всех была вежливая улыбка.

Наталья была располневшей высокой женщиной. Тяжелые ягодицы и массивные икры будто бы притягивали книзу массивную нижнюю часть ее тела, и от этого фигура казалась несколько непропорциональной – узкая грудная клетка и маленькая грудь, рыхлые, как подушки, белые руки... Да еще и уродливое пятно на колене, что появилось после беременности – хотя о нем, конечно, кроме самых близких, никто не знал.

Вряд ли Наталью можно было назвать красивой – разве что «миловидной» или «симпатичной», и то в самом комплиментарном выражении. Даже в далекие времена ее молодости она не отличалась ни эффектной внешностью, ни особой женской привлекательностью. Вряд ли кому-то пришло бы в голову сказать, что она интересная или сексуальная – она была обычная. «Нормальная» – вот самое точное определение ее внешности, да, пожалуй, и сущности тоже.

От нее пахло чистотой и старомодной лавандой. Много лет она носила одну и ту же стрижку, и ее тонкие волосы, сильно поредевшие с возрастом, упрямо скручивались в не поддающиеся укладке кудри, а потому прическа всегда выглядела несколько небрежно. Вокруг глаз разбежались мелкие морщинки, как будто прочерченные тонким карандашом, а щеки уже начали предательски съезжать вниз, подчиняясь беспощадным законам гравитации. Выглядела она старше своих лет, хотя считала себя млажавой.

Говорила она длинными фразами с культурными, но банальными оборотами речи, четко соблюдая законы хорошего русского языка. Речь ее была педантична, однообразна и затянута. Сказывалась любовь к литературе – совершенно неожиданная, учитывая ее пролетарское происхождение и незамысловатые условия, в которых она выросла. Благодаря хорошей врожденной памяти она могла часами декламировать стихи или запросто вспомнить, что сказала Наталья Гончарова, когда случайно проезжала мимо места дуэли Пушкина и Дантеса. У нее даже в сортире в ящике для кремов стоял «Сборник цитат на все случаи жизни» – очень полезная штука, которую Наталья втайне от домочадцев регулярно изучала.

Хотя высшего образования у нее не было – только школа, которую она окончила вполне средненько, а потом ПТУ, где выучилась на швею, – Наталья всегда была сообразительной и схватывала быстро. Своим образованием она занималась самостоятельно, и было оно крайне разнообразным, хаотичным, местами бестолковым и совершенно неструктурированным. При этом она не знала простейших вещей. Такие науки, как география и математика, прошло мимо нее, ни на секунду не задержавшись в ее голове, не говоря уже о химии, физике и прочих сложностях, как, например, устройство Солнечной системы.

Зато науку устройства собственной жизни она вызубрила назубок и стала в ней настоящим профессионалом.

От засилья банальностей, чужих мыслей, слов, суждений и высказываний личность Натальи как будто всегда оставалась в тени, поэтому разговор с ней навевал тоску и скуку, а иногда – вызывал раздражение. От нее хотелось поскорее отделаться.

Когда Наталья выходила замуж – совсем юной и по огромной безответной любви, – жизнь представлялась ей очень ясным и простым делом. Главное – не нарушать внутренние моральные принципы! Она намеревалась выполнить задачу своего существования правильно, без ошибок, продуманно и честно, следуя правилам, заложенным в советской школе, воспитанным на комсомольских собраниях и взращенным собственными навыками выживания. Опираясь на свой не слишком разнообразный, но достаточный опыт, она знала, что за удачу, если она вдруг подвернется, нужно цепляться крепко, не упуская ее из рук ни в коем случае. И какой бы финт ни выкинула судьба, хватку нельзя ослабить ни при каких обстоятельствах. Свое держи крепко – считала она.

Она мало думала. То есть мыслей в голове было, конечно, много – о нарядах, о Лилечкиных проблемах, о еде; о том, что новая домработница опять плохо протерла мебель и оставила пыль за шкафом; о том, что по телевизору показали старый фильм со знаменитыми актерами, а одного из них она кормила борщом, и он делал ей непристойные комплименты... А ведь и она когда-то мечтала стать артисткой! Ах, как давно это было, как будто в прошлой жизни.

Но все же она мало думала, потому что созидался ее мир, в котором не было места изменениям, потрясениям или ошибкам; не было места волнениям, нервотрепке, чувствам...

И лишним мыслям тоже не было места.

Она зашла в свою новенькую квартиру, и снова чувство гордости охватило ее. Вот она – хозяйка этих роскошных хором, единоличная правительница в своем маленьком, но таком дорогом, таком выстраданном царстве, в котором есть все, о чем может мечтать даже самая требовательная королева: два сортира, один с биде, другой с ванной, три спальни со встроенными гардеробными и даже (особая гордость) со специальной подсветкой из неоновых лампочек, которые зажигались самостоятельно при открывании шкафа... И много-много зеркал! Наталья вообще обожала зеркала. Ей казалось, что они делают ее дом более изысканным и аристократичным.

Кухню она обставила в своем излюбленном стиле: много цветочков, розово-палевые оттенки, картинки, статуэтки и сувениры, привезенные из дальних странствий, золотистые шторы, ажурные салфетки, хрустальные люстры, лепные гипсовые вензеля на полотке... Довершали убранство этого малогабаритного Версаля огромные позолоченные часы в углу, которые мерно, угрюмо, как кладбищенский колокол, отбивали каждый час. Здесь было все сделано так, как ей нравилось: аккуратно, достойно, в меру торжественно. Идеальная обстановка для долгих семейных вечеров, о которых она мечтала, пытаясь заснуть под зычный храп Леонида, доносившийся из соседней комнаты – если он ночевал дома, конечно. Эта квартира с ее роскошной обстановкой стоила кучу денег, но Наталья, по природе бережливая и экономная, ни разу не пожалела. Да, пришлось взять кредит в банке, зато теперь она может с уверенностью сказать, что жизнь ее сложилась самым удачным образом.

Первым делом она заглянула в комнату к дочери. Великовозрастная Лилечка дрыхла в своей кровати. Наталья вздохнула. Лилечка была, пожалуй, ее единственной головной болью в жизни. Не красавица, что уж там говорить, но и вовсе не уродина... Наталья бы никогда не призналась в этом даже самой себе, но в глубине души догадывалась – Лилечка, что называется, не удалась. Толком нигде не работала, учебу забросила, да и в личной жизни у нее ничего не складывалось. Лилечка выросла ленивой, равнодушной, хамоватой и, честно говоря, глупой. Но для Натальи она была единственной дочерью, еще одним доказательством и подтверждением того, что ее жизнь прожита правильно и достойно. Хотя чего там прожита! Она еще не старая женщина, в самом соку, по современным меркам, ее возраст – это вообще ерунда. Да она еще родить сможет, с нынешними-то технологиями! Хотя это вряд ли, конечно. Но она в прекрасной форме, что не может не радовать.

Налюбовавшись на спящую Лилечку, Наталья направилась на кухню.

День ей предстоял насыщенный и непростой: поход к маникюрше, потом заезд в супермаркет, вечером – концерт. Как тут все успеть, просто в голове не укладывается! Поэтому пора было поспешить с завтраком.

Наталья быстро и ловко сварила себе овсяную кашу на воде (не дай бог ни капли сливочного масла, которое яд, и ни в коем случае ни грамма соли, которая отравя). Добавила горстку органически выращенного изюма, завершила свой завтрак ромашковым чаем, заваренным еще с вечера, и отправилась навстречу новому дню с ощущением выполненного дела – сложного, но очень важного.

Она тщательно следила за питанием. Вообще, правильное питание – это был ее конёк, даже, можно сказать, полноценный конь. Целыми днями она выискивала полезные рецепты,

охотилась за органическими продуктами, стоившими в три раза дороже, чем обычные, высчитывала точное соотношение белков, жиров и углеводов. Ведь здоровое питание – это целая наука! Это жизнь, если хотите, – со своими законами, неожиданными поворотами, внезапными сменами курса, развенчанием мифов, крушением иллюзий, низвержением кумиров и сложной системой взаимоотношений между разными школами мысли, концепций, теорий и доктрин. За всем уследить – это уже целая работа. А следовать всем наставлениям – просто каторжный труд.

Мусечка

Леонид принадлежал к послевоенному поколению и вырос в обычной советской семье, состоящей из мамы и бабушки. До двенадцати лет своего отца он не видел ни разу в жизни, хотя часто представлял себе, каково это – иметь настоящего, живого отца, которого можно потрогать руками, прижаться щекой к его большому широкому телу, вдохнуть его запах... Он представлял себе отца, который бы научил его настоящим, мужским делам: свистеть, бриться и мочиться стоя. Даже такие простые вещи приходилось постигать самостоятельно, потому что ни бабушка, ни тем более мама не имели о них ни малейшего представления... Или стыдились сообщить о своих знаниях единственному мужчине в их совместной судьбе. Они и об устройстве мужского организма имели сведения самые приблизительные, поэтому воспитанием сына и внука занимались на ощупь, почти вслепую. Обе они были женщинами интеллигентными, ранимыми и робкими.

Бабушка Мария Иосифовна, или Мусечка, как ее называли окружающие, когда-то в молодости была красавицей. Старые отретушированные фотографии помнят ее узкое гладкое лицо с тонкими чертами, красивый разрез глаз, аккуратный носик, мягкие полукружья бровей. Ни дать ни взять актриса немого кино! Хотя сама она о временах своей молодости вспоминать не любила. Мало там было хорошего. Родилась в местечке, в окружении персонажей из книг Шолом-Алейхема. Родители были людьми добрыми и детей – а их было аж восемь человек! – любили. Но это никак не спасало семью от периодического недоедания и хронической нехватки денег. Поэтому жили в основном в долгах, а редкие заработки тратили на их покрытие. Зато было весело и никогда не скучно. В нардоме Мусечка, активистка и умница, участвовала в театральной самодеятельности и даже разъезжала по соседним районам с концертами в пользу КИМа. В праздничные дни выходила вместе со всеми на демонстрации и танцевала под музыку духового оркестра. Летом ездила в пионерлагерь, где жили в палатках в лесу и под дрянное гитарное сопровождение пели патриотические песни. При этом ее ничуть не смущало, что родители по субботам посещали синагогу – выросший в землю покосившийся домишко, содержащий в себе одну лишь драгоценность – свиток Торы. В синагоге женщины, в строгом соответствии с традицией, молились на втором этаже, и тряпичная занавеска отделяла их от мужских взглядов. Правда, защитой она была слабой, потому что девушки, а иногда и дамы украдкой, хихикая, приподнимали занавеску и обжигающе стреляли взглядами, приводя молящихся в замешательство. Сколько тайных романов случилось во время этих страстных молитв, сколько свадеб видела эта крохотная, облезлая синагога!

Там же, в местечке, Мусечка закончила среднюю школу и сразу пошла работать. Райком комсомола помог, устроил ученицей-счетоводом с окладом в шесть с половиной рублей в месяц. Через год за отличную работу ее повысили в должности и даже зарплату дали солидную – целых тридцать пять рублей.

Но в местечке она оставаться не собиралась. Мусечка была девушкой амбициозной и энергичной, хотела стать врачом. Она была даже немного влюблена в сельского фельдшера – единственного представителя медицинской специальности, которого видела в жизни, – мрачного, нелюдимого, загадочного и почему-то вечно сопливого. Его белый халат и несколько отстраненный, нездешний взгляд внушали ей романтические мысли.

За год работы она скопила приличную сумму. К тому же за преданность труду и ответственный подход к выполнению обязанностей ее премировали хорошим отрезом шелка. Платье она не хотела, зато мечтала о достойном демисезонном пальто, которое было немедленно сшито. Родители, провожая дочь в город, купили модную шляпку и кожаные перчатки. Ни дать ни взять городская модница!

– Жидив не бэрэм, – сказал директор медицинского училища, когда она, переминаясь с ноги на ногу, поражаясь собственной смелости и проклиная себя за неловкость, стояла перед ним в длинном пустом кабинете.

– Зовсім? – задала она совершенно лишний и абсолютно глупый вопрос.

– Зовсім, – подтвердил он и, зевнув, со скучающим видом уставился в окно, где бурно цвела весна.

– Дякую, – сказала она и на чугунных ногах вышла на улицу. Погода стояла прекрасная. Воробьи суетливо копошились в лужах, на деревьях шелестела сочная юная листва. А она шла, не разбирая дороги, в ужасно жарком и неудобном пальто, в шляпе, которая сползала на заливаемые слезами глаза, и рыдала над своей разрушенной жизнью.

Но жизнь эта имела свои собственные планы и совершенно не намеревалась разрушаться. Да и Мусечка вскоре перестала плакать и даже по-новому взглянула на бурное цветение весны, на заинтересованные взгляды проходящих мимо молодых кавалеров и на собственные перспективы. Она была молодой, отчаянно смелой, и у нее еще оставалось немного денег. Через пару дней, решив, что терять больше нечего, Мусечка рванула в Москву, где жила подруга детства, покинувшая родное местечко незадолго до этого.

В Москве жизнь устроилась самым прекрасным образом. Мусечка с отличием закончила курсы стенографисток и устроилась работать в типографию. Однажды рядом с ее рабочим столом появился молодой человек приятной наружности. Он представился Константином Ивановичем, сотрудником госбезопасности, лишь недавно созданной, но уже очень важной государственной организации.

– Нам бы хотелось, чтобы вы поработали с нами. По вечерам, – уточнил он, белозубо улыбаясь.

Она согласилась, конечно. Да и как не согласишься... Кругом – обыски и аресты. Из дома писали, что даже к отцу приходили из органов, интересовались, не хранит ли он доллары, золото или другие иностранные валюты. Подозрения были небеспочвенными, потому что за границей, а именно в Америке, проживала родная сестра отца, тетя Пеша. Как назло, ей взбрело в голову приехать навестить родню за пару лет до описываемых событий. Поэтому отца арестовали – на всякий случай, в качестве профилактики. Арестовали и братьев, и других родственников, и соседей. Правда, их потом через два месяца отпустили – сильно побитых и напуганных, но живых. Да и в столице шли аресты, даже среди немногочисленных Мусечкиных знакомых. Забрали, например, часовщика-ювелира, тихого очкарика, совместив арест с конфискацией имущества. Среди конфискованного оказались и ее золотые часы – подарок матери на шестнадцатилетие, – очень красивые, которые положено было носить на шее. Узнав о такой пропаже – а это было единственное ее украшение, – бедная Мусечка ударилась в слезы и впала в уныние. Тут как раз в учреждении появился Константин Иванович с очередным ответственным заданием, и Мусечка рассказала ему о своем горе. Тот выслушал внимательно и на следующий день часы принес – разумеется, в знак уважения, исключительно из признания ее деловых и человеческих качеств.

Так завязался их роман.

Константин Иванович Стародубец был пламенным революционером, правда, без образования, зато с горячим сердцем, пылкой верой в торжество коммунизма и абсолютной преданностью партии. Родился он в селе под Самарой, ставшей потом Куйбышевом, и по примеру Ленина взял себе звучный, красивый псевдоним: Волгин.

Несмотря на солидную должность, он был веселым, улыбчивым, романтичным и искренне стремился к победе мировой революции. После свадьбы им с Мусечкой выделили отдельную комнату в коммунальной квартире – целых четырнадцать метров! Это было полное личное счастье, которое продлилось ровно шесть лет.

А в двадцать восемь она осталась вдовой. Несчастный Костик был одним из тех, яростных и преданных, верных и убежденных, кто первым попал под репрессии. Даже с точки зрения простой логики он не мог не поплатиться за свои идеи о победе мирового интернационала, стирании границ, разрушении империй и мир во всем мире. Так что пострадал он за свой троцкизм, можно сказать, заслуженно. Хотя утешением это было слабым.

Произошло это внезапно и настолько неестественно быстро, что бедная Мусечка даже не успела сообразить. Мужа увели рано утром, на рассвете. Мусечка смотрела вслед удалявшимся людям в форме и своему Костику, большевику, коммунисту и верному сотруднику органов внутренней безопасности. Ей казалось, что это происходит не с ней, это какая-то дурная шутка и вскоре все будет хорошо. Ведь он сам бился с контрой, он сам разоблачал врагов партии и безжалостно с ними боролся. И он же оказался контрой? Нет, это просто не укладывалось в голову. Совсем перед выходом, улучив момент, он встал на колени, припал губами к ее животу и яростно зашептал:

– Клянусь нашими детьми, я ни в чем не виноват!

Его тут же оторвали, подняли, увели. Он в последний раз оглянулся, улыбнулся ей одними губами, и больше она его не видела.

Оцепеневшая Мусечка, в животе которой рос их будущий сын, так и стояла у двери, не в силах отвести взгляда от порога, где только что толпились, отбрасывая тень, чужие люди, а теперь не осталось никого.

Потом она ходила несколько раз в тюрьму, куда, по слухам, его определили. Хмурая вахтерша даже на проходную ее не пускала, ворчала что-то под нос про вражеский дух и инородные элементы. Мусечка не расслышала да и переспрашивать не стала. Она возвращалась домой окоченевшая, пожухлая, оцепеневшая в своем горе и все ждала, ждала обратно своего Костика... Хотя в глубине души, конечно, понимала, что ожидания ее тщетны и преступление мужа перед советской властью и перед партией не имеет ни оправдания, ни прощения.

А потом пришли за ней. Это тоже казалось чем-то невозможным, как будто происходящим не с ней, не здесь, не сейчас, а в каком-то дурном сне. И ее тоже увели двое в форме. Только к ней приходило было некому – родителей уже не было в живых, братья и сестры остались в далеком местечке, если живы, конечно, а может, разъехались кто куда... Соседи по коммунальной квартире, а также немногочисленные друзья, страшно перепуганные, трусливо попрятались, и она оказалась наедине со своим собственным личным адом.

Мусечка оказалась на редкость стойкой. Еще в пересыльной тюрьме она родила ребенка, которого тут же и схоронила. То есть как схоронила – отобрали, и все. Сказали – умер. Она не стала уточнять. Ей было легче смириться со смертью младенца, чем представить, какое будущее его ожидает. Вместе с ним она похоронила свое прошлое: мужа, дом, счастье... Осталось лишь одно, что держало ее в этом мире, – дочка Леночка.

После ареста матери заботливое государство не оставило сироту, а взяло ее под свое мощное железное крыло и отправило в детдом. Леночка, тихая, скромная, пугливая, вдруг оказалась в мире, где каждый прожитый день – это достижение, каждый украденный кусок хлеба – подвиг, а если тот же хлеб, да еще посыпанный сахаром, – то это самое настоящее блаженство.

Все годы, проведенные в лагере, Мусечка мечтала найти Леночку. Каждый день, перед сном, разговаривала с ней, пела песни, просила прощения. И молилась, конечно. Барух ата адонай, элоэину мелех хаолам... Так, как молилась в детстве, в своем далеком штетле, где даже синагоги приличной не было. Она молилась и верила, что однажды они встретятся.

И как ни странно, Бог услышал ее молитвы. А может, просто так сошлись звезды или сложились обстоятельства... Зависит от того, с какой точки зрения рассматривать эту ситуацию. После пяти лет заключения Мусечка вернулась-таки обратно и первым делом стала искать дочь. Делом это оказалось непростым, потому что Леночка скиталась из одного детдома в другой. Ее даже один раз попытались удочерить, правда, к счастью, вовремя отказались. Поиски

Леночки заняли еще три года. Мусечка как одержимая объезжала детские приюты – методично, один за другим. Пару раз ей даже показалось, что она встретила свою Леночку – все-таки ребенок изменился, поди узнай ее среди тысяч коротко стриженных, затравленных, худющих детей, которые глядели на нее недоверчиво и вместе с тем с глубоко затаенной надеждой. Она даже хотела было забрать каждую из этих девочек, которые казались ей смутно похожими на Леночку, но нутром чувствовала, что это не ее ребенок, и вовремя останавливалась, с кровью отрывала от себя зарождающуюся привязанность, хоть и жалко было их, несчастных, забытых, ненужных.

В конце концов, к огромному удивлению самой Мусечки, вопреки логике и здравому смыслу, поиски ее увенчались успехом. Это казалось нереальным и практически невозможным. Все-таки Мусечка с полным на то основанием могла считать себя счастливицей. Так спустя восемь лет разлуки мать и дочь соединились.

Годы, проведенные в детдоме, Леночка вспоминать не любила и никому о них не рассказывала. Так же, как и Мусечка – о своих лагерных. Они словно заключили негласный договор между собой: прошлое не ворошить, раны не бередить, вины ничьей не искать и жить заново.

К моменту появления матери Леночке было уже тринадцать. Она знала, что такое голод, страх и борьба за жизнь. И если другие дети, окружавшие ее, сделали из этих знаний вполне определенные выводы, например, что воровать, бить и даже убивать ради выживания – вполне нормально и естественно, а жизнь – подарок сомнительный, который еще надо выгрызть, то Леночка сделала вывод ровно противоположный: голодно – терпи; холодно – страдай; больно – молчи; страшно – зажмурься и жди. Она выросла девочкой нелюдистой, угрюмой, колючей. Все лишения воспринимала безропотно, за все хорошее, да и плохое тоже, вежливо благодарила. От жизни не ожидала ничего, кроме очередной подлянки, да и к ней была готова заранее, встречая ее во всеоружии закаленного бойца. Не зная любви, она уже и не искала ее, привыкнув к мысли о том, что выкручиваться из этой истории, в которую попала совершенно без всяких на то оснований, ей придется самостоятельно.

Мать она, конечно, не помнила, но, как и положено, рисовала ее в своем воображении красавицей, доброй, мягкой, теплой и пахучей, как розовое мыло, о котором мечтали все девочки в детдоме. Когда же увидела ее впервые после разлуки – старую, седую, со сморщенным от плача вперемешку со смехом лицом, всю какую-то слюнявую и мокрую, соленую от слез, кислую от пота, ее охватило чувство разочарования. Разумеется, она скрыла его и от матери, и от окружающих... Даже попыталась скрыть от себя. Но острое несогласие с реальностью, обида на действительность, которая снова обманула, оказались далеки от ожиданий, больно укололи и впились в душу, лишь добавив огня тлевшему чувству.

Комнату в коммунальной квартире, конечно, давно прибрали к рукам соседи. Но им снова повезло – Мусечка по знакомству устроилась на работу уборщицей в детский сад.

– Живите тут, – махнула рукой заведующая – суровая, не улыбочивая, с властным усадым лицом и холодными глазами, давняя Мусечкина подруга, еще с тех времен, когда обе они были молоды и трудились стенографистками.

– Спасибо, Басичка, – лепетала Мусечка, заглядывая ей в глаза.

– Я же сто раз просила не называть меня так! Запомни раз и навсегда: я Белла Борисовна, – возмущалась заведующая детским садом.

– Ой, прости, ну прости меня, дуру, – и Мусечка опять улыбалась своим беззубым ртом, и опять кланялась, и лебезила, как побитая собака, которая ждет, что ей бросят кость. Та лишь отмахнулась недовольно и вышла, оставив мать и дочь в крохотной темной комнате, больше похожей на чулан, чем на спальню.

– Ой, как нам повезло, доченька, – не переставала бормотать Мусечка, пытаясь соорудить подобие кровати из тюфяка, на котором валялись старые протертые простыни, какое-то рваное

шмотье и колючее грязное одеяло. – Ой как повезло! Басичка, она ж моя подруга давняя, мы с ней знаешь как дружили, как сестры! Как была засранка, так и осталась, – уточнила она.

– А ты откуда знаешь?

– Так мы ж по первости жили вместе, снимали угол в комнате и спали в одной кровати. Я это не любила. Сама-то всегда чистенькая была, у меня склонность к чистоплотности с детства выработалась. Комната сырая, без окна, холодно было так, что приходилось друг к другу жаться. А она мыться не любила, от нее так пахло... неприятно! Ну да ладно, сейчас она большой человек, приютила, и спасибо ей за то.

– А чего у нее имя такое странное? – спросила Леночка, зевая.

– Батичка? Так это обычное имя, Батшева ее звали. Как мы ее только не называли, и Бася, и Батя. Она добрая, просто несчастная очень. У нее сын от тифа умер, а мужа расстреляли. Одна совсем осталась.

– Ты, можно подумать, счастливая, – закрывая глаза, сказала Леночка ехидно.

– А я счастливая, – ответила она таким голосом и взглянула так, что Леночка поневоле проснулась. – Я счастливая. Я ведь только без зубов осталась, а она без души.

Мусечка с Леночкой зажили в своей каморке вполне мирно, если не сказать счастливо. Мусечка вышла на работу, Леночка пошла в школу. Не успели оглянуться – а тут война. Вроде жизнь только-только начала налаживаться, и снова пришлось бежать.

Мусечка, наученная жизнью быстро реагировать на меняющиеся обстоятельства, сообразила, что где-то в Средней Азии проживала дальняя родня покойного мужа, кажется, двоюродная тетка. В то время Средняя Азия была чуть ли не самым популярным адресом для эвакуации, куда отправляли целые заводы, фабрики и даже киностудии.

Послали телеграмму, но она, как водится, затерялась в дороге. Не дожидаясь ответа, собрались в путь.

Ночь. Черное небо застелено туманом, сквозь который не пробивается ни один, даже самый крохотный, проблеск. Только тусклый печальный фонарь освещает перрон желтым тающим светом. Вокзал заполнен людьми – целой толпой с тюками, узлами, чемоданами... Вдруг высовывается ручка от сковороды, насильно запихнутая в несмыкающееся чрево набитого толстого куля. Откуда-то вываливается толстая книга, падает на землю. Хозяйка меняется в лице, ныряет за ней, выуживает из-под чьих-то ног, сразу же прячет. Ясно, это Библия! Но кому какое дело сейчас, когда главная задача – сбежать, спастись, увезти детей, самим не умереть по дороге от голода, от холода, от малярии, тифа или дизентерии, а то и просто от скотских условий. Давка, крики, детские вопли, гул паровозного гудка, приказы дежурного: «Разойдись! Не создавай затор! Продвигаемся, продвигаемся!» А куда двигаться-то, кругом люди, и все толкутся, трутся, мнутя, ругаются.

Наконец с грохотом подходит паровоз, обдавая толпу горячим вонючим паром. Среди отъезжающих новая волна возбуждения, крики усиливаются, а вместе с ними и толкотня, и паника. Мусечка с Леночкой, совершенно растерянные, прижимаются друг к другу, с ужасом оглядывая толпу, которая вот-вот готова их раздавить. Вдруг подлетает расторопный мужчина, похожий на цыгана, только одетый прилично.

– Подсобить? – спрашивает он.

– Чего? – Мусечка смотрит на него тупым невидящим взглядом.

– В вагон подсобить, спрашиваю, – повторяет он. Почему он выбрал именно их для «подсобить» – совершенно неизвестно. Взять с них нечего, никакой ценности они не представляют.

– Давай сажай, – твердо говорит Леночка. В отличие от матери она не склонна к рефлексии, и детдомовская закалка дает о себе знать.

Он улыбается. «Точно, цыган. Зубы золотые», – мелькает в голове у Мусечки. Но пока она соображает, он подхватывает ее сильными руками, бросает внутрь. А там цыганки со своими

широченными юбками и бесчисленными детьми заняли уже полвагона. Гвалт стоит такой, что голова начинает раскалываться. Потно, душно, страшно.

– Деньги давай, – распоряжается Леночка.

– А? Какие деньги?

– Господи, ну цыгану заплатить надо.

– А... Шас! – Свои скромные финансовые запасы Мусечка по старой эковской привычке схоронила в таком укромном месте, куда даже опытный карманник постесняется заглянуть. Спрятавшись за растопыренными бабыми юбками, она наконец выудила тряпочку, в которую были скручены их сбережения.

– Господи, мама, – застонала Леночка. Выхватила тряпочку, вытащила купюру и бросила в окно цыгану. Тот подхватил на лету, помахал в воздухе, широко улыбнулся и исчез в толпе.

О Советской Азии Мусечка имела представления самые приблизительные. Учитывая, что удивить и даже напугать ее было достаточно сложно, в дорогу она отправилась без лишних рассуждений. Но даже ей, закаленной лагерями, этот путь в телячьем вагоне, в окружении ни на секунду не умолкавшего табора, где даже присесть не было возможности, не то чтобы отдохнуть, показался мучительно долгим.

Наконец остановка. Цыганки вывалили наружу и тут же исчезли. Мусечка с Леночкой тоже вышли, огляделись вокруг. Это был грязный захолустный полустанок где-то посреди степи. Мусечка, совершенно обессиленная, повалилась на скамью.

– Сиди тут, – велела Леночка, – я пойду попытаюсь еды найти.

Она вытащила несколько купюр, сунула за пазуху – там надежнее. Зашла в станционное помещение, отправилась сразу же к смотрителю.

– У меня мать умирает, – сказала она совершенно серьезно. – Нужна еда.

– Деньги есть? – спросил смотритель, хитро прищуриваясь.

– Есть.

– Давай.

Она вытащила смятые бумажки.

– Жди тут, – приказал.

Она осталась ждать. Через несколько минут он вышел – в руках кастрюля и ложка.

– Жри, – бросил он.

В кастрюльке на самом дне оказались остатки пшенной каши с чесноком и салом. Каши было до обидного мало, а за нее, между прочим, была отвалена почти половина их скудных сбережений. От возмущения Леночка чуть не задохнулась.

– Иуда! – крикнула она. – Царский жандарм!

Начальник станции изменился в лице и занес было над ней огромную лапу, но Леночка юрко увернулась и прошмыгнула мимо. Тот лишь злобно поглядел ей вслед.

Мусечка с Леночкой доели жалкие остатки каши, и пища эта не только не убила их голод, но и раззадорила его еще больше. К тому же Леночка почувствовала, что до смерти хочет до ветру, да еще и по-серьезному. Уборной на станции не было, пришлось прятаться в кустах. Лето стояло жаркое, высокие травы выгорели до желта, иссохли, истончились. Даже потереться – и то нечем. Леночка плюнула и со злостью начала тереть причинные места сухим пучком травы. Зря, конечно, – больно искололась, и мелкие занозы застряли в заднице.

Но это было еще полбеды – настоящая проблема заключалась в том, что денег почти не осталось, а нужно было еще покупать билеты. На этот раз к злобному начальнику станции отправилась Мусечка – они рассудили, что ее вид вызывает больше доверия и жалости.

– Товарищ начальник, – промямлила она беззубым ртом, – помоги нам билетики достать, а?

– Ты, что ль, умирающая? – спросил он с усмешкой.

– Я, – согласилась Мусечка.

Он смерил ее недобрым взглядом из-под козырька.

– Деньги есть?

– Вот все, – сказала Мусечка и протянула остатки своих сокровищ, спрятанных в тряпицу. Денег явно не хватало, и оба это знали.

– Мало, – сказал он.

– Я знаю, товарищ начальник, – ответила Мусечка. – Я вдова бездомная, мужа расстреляли, сама сидела, дочку только из детдома забрала – дикая она у меня. Может, подсобишь, а?

Начальник внимательно оглядел ее – худую, грязную, беззубую, с печальным потухшим взглядом, в каких-то немыслимых одеждах, надетых друг поверх друга, – и сказал:

– Ладно, седи тут.

Через пару минут вернулся, держа в руках бумажку, на которой кривым почерком было что-то нацарапано.

– Держи. В грузовом отсеке поедете.

– Спасибо! – просветлела Мусечка. – Спасибо, товарищ!

– И дочку свою держи на привязи, а лучше всыпь ей хорошего ремня! Отца ей не хватает, совсем распустилась.

– Это да, – грустно вздохнула Мусечка.

– Деньги я себе оставляю, – сообщил начальник, – за содействие.

– Да, конечно, – согласилась Мусечка. И улыбнулась беззубо.

Наталья

Наталья выскочила из машины – не такой шикарной, конечно, как у Леонида, но все-таки собственной, новенькой. Она поправила юбку, взглянула в зеркальце и подошла к дому Беллочки – нежно любимой подружки и по совместительству своей маникюрши. Встречались они раз в неделю, в условленный день, обсуждали текущие проблемы, прошлые обиды и вечные вопросы.

Беллочка была женщиной выдающейся во всех отношениях: большая, шумная, непредсказуемая, бескомпромиссная. У нее было удивительное свойство занимать собой все пространство, и не важно, шла ли речь о ее скромном кабинете или о футбольном поле – Беллочка и там сумела бы стать единственной заметной фигурой.

Беллочка была замужем трижды и всегда разводилась громко, смачно, со скандалом. Все, на что падал ее взгляд, к чему прикасались ее пухлые руки и тянулась ее трепетная душа, превращалось в арену тяжелой, изнурительной борьбы. Она не выходила замуж, а строила семью; не любила, а работала над отношениями; не жила, а сражалась за место под солнцем... Эта женщина обладала такой разрушительной силой, что позавидовал бы любой многотонный бульдозер. Ко всему прочему, она много курила, ругалась матом и вечно сражалась с несправедливостью. Если раньше она боролась со своими мужьями, то теперь – со всеми подряд: с соседкой по дому, с продавцом сигарет в ближайшем киоске, с мойщиком подъездов, а также с мужским супрематизмом и гендерным неравенством. Кроме того, она была очень близорука и часто по недосмотру надевала контактные линзы разных цветов – зеленого и голубого, например. Наталья к таким промахам давно привыкла, иногда даже дразнила ее, отчего Беллочка крепко обижалась, но на следующий день опять разгуливала с разными глазами.

Как любая опытная женщина, мужчин она презирала в принципе. По ее собственному убеждению, ничего, кроме неприятностей, ждать от них не приходилось, а потому Беллочка с упоением презирала всех особей мужского пола, включая уличных котов. Грубые, похотливые, презренные существа, мужчины по определению не заслуживали доверия, зато вполне годились для сплетен, обсуждений и осуждений, чем Беллочка и занималась с чувством и даже страстью. Благо времени у нее было предостаточно: ее третий бывший муж, когда уходил от нее к немолодой и не очень красивой женщине (скотине!), оставил ей в качестве отступных квартиру (жалкая подачка!), на которой, правда, висела солидная ссуда. Зато это имущество позволяло Беллочке вполне безбедно доживать свою полную занятых событий жизнь (примитивное существование!). Кроме времени, у нее было достаточно благодарных слушательниц – клиентки с удовольствием внимали подробностям личной жизни Беллочки, которых за три брака накопилось множество, а та, в свою очередь, не скупилась и с живостью и артистизмом рассказывала всем желающим о своей нелегкой женской доле. При случае она жадно и сочувственно выслушивала жалобные рассказы посетительниц, коих тоже было немало. В итоге все оставались довольны.

– Вчера видела твоего по телику, – тут же сообщила подруга, снимая лак и внимательно изучая поломанный в бою против гастрита ноготь. – Что-то он плохо выглядит.

– Да? – вскинула брови Наталья. – А я не заметила.

С недавних пор Леонид вел передачу на местном телеканале – откровенно бездарную, и все об этом знали, но за нее неплохо платили. К тому же Леониду нравилось, как он выражался, «торговать мордой».

По появлениям Леонида на экране Беллочка отслеживала его самочувствие, настроение, проблемы и даже ловко ставила диагнозы. Она рассматривала мешки под его глазами, изучала цвет лица, придирчиво замечала изменения в его фигуре, а потом рассказывала Наталье о своих наблюдениях, гордясь своей категоричностью, независимостью и принципиальностью.

Та выслушивала ее умозаключения молча, спокойно, даже несколько снисходительно, с видом женщины, которая не испытывает необходимости в доказательстве собственной личной состоятельности. У Натальи, в отличие от Беллочки, был муж. И не три бывших, а один, зато какой! Поэтому все замечания подружки разбивались о ее железобетонное спокойствие.

– Ты обрати внимание, – советовала Беллочка со знанием дела, – что-то он в последнее время сдал. Да-да, и не отрицай. Что-то посерел, потолстел. Обрати внимание, мой тебе совет.

– Обязательно обращу, – пообещала Наталья. Ей не хотелось расстраивать подругу отказом, но и всерьез принимать ее наставления тоже не хотелось. Она-то знала, что все в жизни сделала правильно, а потому с высоты своего многолетнего супружеского опыта могла позволить себе снисходительно улыбнуться Беллочкиным потугам ее раздражить.

Хотя она и сама знала, что Леонид в последнее время действительно погрузнел, поседел. Высокий, полнотелый, с большими глазами, носом и губами, он был похож на стареющего усталого слона. У него всего было много: здоровые крепкие руки, длинные толстоватые ноги, солидный, как рюкзак, живот. Волосы он зачесывал назад и замазывал гелем по той банальной и прозаической причине, что их количество на его голове стремительно уменьшалось; на нос надевал дорогие очки без оправы и душился хорошим одеколоном. На шее он обязательно носил галстук или платок, чтобы скрыть двойной подбородок и дряблую кожу, а взгляду придавал светскую порочность. Он всегда любил хорошо выглядеть, не скупился на модные и дорогие шмотки и знал, что умеет производить должное впечатление. Красивый, холеный мужчина. Наталья знала, что ей повезло.

– У него много работы, – уклончиво ответила Наталья.

– Ага, работа! Знаем мы эту работу! Все мужики – сволочи, это я тебе говорю!

Конечно, у Беллочки был богатый опыт по части мужского сволочизма. Она могла бы читать на эту тему лекции и вести мастер-классы, если бы была чуть пообразованней да попроворнее. А так приходилось пилить чужие ногти, слушать чужие истории, жить чужими жизнями и мечтать о чужом счастье.

Леночка

Остаток пути прошел без приключений. Было даже весело. Хотя они и ехали в грузовом вагоне, холодном и грязном, зато из главного вагона-ресторана слышались голоса, смех, и всю ночь пели песни. Вкусно пахло жареным мясом, сигаретным дымом, теплой едой. Как они догадались, это артистов эвакуировали. Мусечка с Леночкой принюхивались к этим запахам и представляли себе, как нежная ароматная телятина розовеет на тарелке, как расплзается румяная корочка картошки, когда берешь ее в руки, как хлебная мягкость, словно сладкая вата, растворяется во рту, оставляя блаженное послевкусие... Убаюканные этими счастливыми видениями, они заснули.

Поздно ночью голодные, уставшие донельзя Мусечка с Леночкой сошли с поезда. В руках у Мусечки – небольшой чемодан с самым необходимым. Теткин адрес был написан неразборчиво и криво на выцветшей бумажке. Мусечка попыталась было поспрашивать прохожих, но никто не останавливался, чтобы им помочь. Зато в толпе то и дело шастали, шуря хитрые глаза, подозрительные личности, а то и просто проходимцы.

Наконец какой-то седой пожилой гражданин в тюбетейке и с густыми усами остановился рядом с ними.

- Выковыренные? – спросил он.
- Чего?
- Выковыренные?
- Эвакуированные, – догадалась Леночка.
- А, ну да, – согласилась мать.
- Доведу вас куда надо.

Они долго плутали среди грязных узких улиц, спотыкаясь в темноте и пару раз чуть не сломав себе шею. Наконец остановились возле дома с наглухо забитыми окнами.

- Вот, – сказал проводник. И протянул смуглую потную руку за платой.

Мусечка смутилась.

– Одну минуточку, – сказала она, делая вид, что ищет деньги среди исподнего, хотя прекрасно знала, что ни копейки больше не осталось. Но проводник, не дожидаясь, подхватил их чемодан и, пошевелив на прощание усами, исчез в темноте в неизвестном направлении. Мусечка с Леночкой не успели даже понять, что произошло, как обнаружили себя в чужом городе под зловеще поблескивающими в темноте звездами, без денег и вещей, напротив замурованного, явно нежилого, дома.

Бедная Мусечка сползла по стене на залитую нечистотами землю, вдохнула запах мочи и прелости и заплакала. Пожалуй, впервые после ареста мужа она плакала так горько. Все эти годы она не позволяла себе распуститься – нужно было выжить самой, затем найти дочь, а теперь, когда спасение так подло ускользнуло из рук, ей стало невыносимо обидно.

Леночка присела с ней рядом. Она тоже плакала и гладила мать по седым волосам. Несмотря на суровый нрав и колючий взгляд, она была сущим ребенком – плаксивым, обидчивым, недолюбленным. Привычка выживать была намного полезнее в создавшейся обстановке, чем все прочие навыки, которые она тоже приобрела в детдоме.

- Сиди здесь, – строго сказала она матери. Та лишь всхлипнула, ничего не ответив.

Леночка взглядела в темноту. Слава богу, ночи еще были теплыми. Она дала глазам время привыкнуть. Старая детдомовская привычка никогда не погружаться в сон полностью, быть все время на страже, начеку, в полудреме, а также кошачье умение видеть в темноте сейчас оказались очень полезными. Кстати, тощие облезлые кошки шныряли между ног и оглашали ночной покой пронзительными воплями. «Где коты – там должны быть и крысы, – рассуждала Леночка, – а где крысы – там еда. А где еда – там дом».

Вглядываясь в темноту, она пошла на протяжный зов котов, которые в перерывах между драками и угрожающими воплями копошились в кучах чего-то несусветного, отыскивая пищу. Вскоре она заметила и крыс, снующих среди гнилья. Леночка подошла ближе и непроизвольно отшатнулась, с трудом удержав крик. Куча тряпья, по которой ползали крысы, была трупом какого-то животного, вернее, останками, сильно изъеденными крысами и обкусанными голодными кошками. Подавив тошноту, она пошла дальше, пока не увидела домик, показавшийся ей жилым. Леночка осторожно постучала, но ей не открыли. Она заглянула в окно. Незнакомая ей старая женщина, обхватив голову, дремала за столом, на котором горела одинокая тонкая свеча.

– Вставай, – растормошила Леночка мать, которая все еще рыдала. – Пойдем, я, кажется, нашла дом.

Так они поселились у тетки, в доме с каменным полом и русской печью с высокой трубой. Тетка телеграммы, конечно, не получала, родственницу с ребенком не ожидала и вообще вначале была против столь беспардонно нагрянувших гостей. Но Мусечка с Леночкой были такими жалкими и голодными, а время – страшным и опасным, да и дело шло к зиме, а в хозяйстве руки всегда пригодятся, что старуха ворчливо согласилась их принять. Благо своей семьи у нее не было.

Поначалу все вокруг казалось странным и диковинным, словно в восточной сказке: и худые кошки, снующие по помойкам вместе с голодными беспризорниками, и нищие калеки, побивавшиеся рядом с рынками, и страшные женщины в черных чадрах до земли, которые даже в самый свирепый зной не снимали свое жуткое одеяние, и жующие жвачку верблюды, скучавшие прямо посреди городских улиц, и раскидистые огромные пальмы, на которых росли маленькие оранжевые и коричневые плоды, и чайханы с низкими столикам на толстых роскошных коврах, где целыми днями по восточной традиции просиживали мужчины, пока женщины возились с детьми или хлопотали по хозяйству.

Зимой, конечно, туго приходилось – голодно, холодно, скучно. С едой было трудно – спасали талоны, по которым выдавали жидкую похлебку. Она лишь дразнила, раздражала пустой желудок, злила... Но Мусечка давно придумала действенный способ: как бы голодно ни было, нужно лечь в постель и попытаться заснуть. В темноте, в убаюкивающей глубине ночи, все несчастья и горести отступали, и можно было ненадолго забыться.

Зато летом начинался настоящий рай: громадный, с палец величиной, виноград, пушистые сплюснутые, как лепешки, персики, сочный треснувший инжир, даже мясистые финики – и те росли здесь. После замороженной и оголодавшей Москвы это было ошеломительно и фантастически.

Вскоре Мусечка устроилась на работу в местную библиотеку. Сначала – уборщицей и вахтершей, а со временем доросла и выше, до раскладчицы книг и библиотекарши. Несмотря на бытовые трудности, Мусечка считала своим долгом приобщать Леночку к прекрасному. Из детдома она вышла полной невеждой и неучем, и теперь Мусечка взялась за образование дочери. По вечерам, сидя в тесной теткиной хибарке, они читали книги, которые Мусечка приносила из библиотеки. Сама-та она, по понятным причинам, никакого приличного образования не имела, но для дочки хотела только лучшего. И Леночка послушно училась.

Много незримых гостей посетили их ветхий домик за эти вечера! Ее любимые англичане – Диккенс, сестры Бронте, Джейн Остен, с их чопорностью и жеманством, неторопливым развитием сюжета, сложными полунамекками и специфическим юмором. Чувственные французы – Бальзак и Флобер, Стендаль и Гюго, с их яростными страстями, безудержными порывами и трагическими развязками. Итальянцев не любила, они казались ей слишком театральными и манерными. Немцев тоже, в их слащавом романтизме чудилось что-то фальшивое. Читали кое-что из запретного: Блока, Бальмонта, Есенина.

Огромная кривая тень от свечи падает на стену. Изредка она вздрагивает, кивает, склоняется вниз, будто пытается заглянуть в книгу, которую читает Леночка. Та серьезно и сосредоточенно листает страницы. Читает она быстро, буквально проглатывает одну страницу за другой. Мусечка рядом вяжет или штопает. Тетка, старая, почти слепая, лежит в постели, постанывая. У нее недавно случился удар – прямо посреди комнаты грохнулась на пол, глаза чуть из орбит не вылезли, рот страшно исказился... Леночка с Мусечкой еле доволокли ее до постели, уложили. Стали выхаживать. Тут-то старуха своим скудным умом оценила всю выгоду от наличия в доме двух хоть и очень дальних, но все же родственников. Ясно было, что больная больше не встанет, поэтому ее кормили с ложечки, переворачивали, подмывали и развлекали чтением вслух газет с последними известиями. Досматривали.

Леночка шевелит губами, глазки ее то и дело вспыхивают, щечки розовеют. Мусечка с удовольствием глядит на дочь. Восемь лет потеряны, но она потихоньку, чтобы не напугать и не навредить, восстанавливает эту хрупкую связь, лепит незримую паутину тонких нитей, которые снова переплетут их в одно целое, мать и дочь. Леночка растет нелюдистой, строгой. Иногда Мусечку пугают ее внезапные вспышки гнева, ее мучительные истерики, когда она буквально захлебывается слезами. Или, что еще хуже, уходит в себя и молчит, молчит. Только злой огонек пылает в ее колючих, как у волчонка, глазах. Но Мусечка все терпеливо сносит, жалеет и бережет дочь.

Свеча догорает, тень ее становится меньше, Леночка придвигает ее ближе. Воск капает, случайно попадает на страницу и слепляет ее. Ужас-то какой! Как теперь возвращать будем? Книга-то библиотечная, государственная собственность! Она начинает отколупывать воск от страницы, соскребает ногтем, но тонкий слой воска навсегда въедается в бумагу, увековечивая эти долгие унылые вечера.

Еще дамы ходили в театр. Мусечка, экономя на еде, меняла пайки на билеты, которые стали чем-то вроде местной валюты, ходящей в интеллигентных кругах. А что, ей к голоду не привыкать! В молодости хлеб выдавали по карточкам, по сто пятьдесят грамм на человека. Хорошо, если были столовые для партийных служащих, тогда еще ничего, можно поесть. Но Мусечка была беспартийной, да и столовой в их учреждении не было. С утра она шла на базар, покупала кусок хлеба у рабочего, который, видимо, где-то воровал его и держал за пазухой, и весь день этот хлеб медленно жевала. Из-за этого у нее развилась анемия. Пару раз так плохо становилось, что в глазах начинали мелькать разноцветные мошки, голова кружилась, и она даже в обморок падала. Когда Костик об этом прознал, стал подкармливать ее. Это было еще до свадьбы... А потом тюрьма, лагеря, да чего уж там. Так что если выбирать между художественным развитием ребенка и парой мороженных водянистых картох, на вкус не лучше водорослей, да и цвета примерно такого же, то выбор очевиден.

В военное время советский Восток превратился в настоящую культурную столицу страны. Сюда были эвакуированы киностудии и театры. Звезды экрана расхаживали по городу, как простые смертные. Запросто можно было встретить на рынке знаменитую артистку, отчаянно торгующуюся за литр молока, или какого-нибудь известного писателя, в задумчивости гуляющего по улице.

Среди эвакуированных оказался даже Еврейский театр, где играли Михоэлс с Зускиным. Как они играли! Леночка заворуженно глядела на сцену, где показывали спектакли, поставленные по мотивам произведений Шолом-Алейхема. Идиш Леночка, разумеется, не знала, но Мусечка иногда переводила ей то одно, то другое слово, а остальное она улавливала из контекста. Эти местечковые еврейские персонажи и события, с ними связанные, никак не задевали пионерскую душу Леночки. Они были чужды ей и бесконечно далеки. С таким же успехом она могла смотреть постановки греческих трагедий или итальянскую оперу.

Но, сидя в полутемном зале, где пахло потом и куревом, Леночка растворялась в действе, то смеясь над нелепым молочником Тевье, то плача вместе с разлученными навсегда еврей-

скими влюбленными Рейзл и Лейбл. Она умилялась кротости и смиренности персонажей неведомого ей мира, возмущалась их глупости и нежеланию бороться за свою любовь. Вот была бы она на их месте, размышляла Леночка, она бы вела себя по-другому – выгрызала бы свое право на счастье!

Как покажет время, это были всего лишь юношеские иллюзии.

И кроме того, Леночка никак не могла выбрать, в кого из артистов влюбиться – в Михоэlsa или в Зускина. Михоэls – безусловно, звезда первой величины, но старый, лысый и, честно говоря, не очень красивый. Зускин – тот, конечно, помоложе. С огромным открытым лбом, глубоко посаженными глазами и чувственными губами, он был удивительно похож на Михоэlsa, как будто это были две копии одного человека в разном возрасте. Но именно вследствие своей молодости и красоты он казался абсолютно недоступным, как несбывшаяся надежда. Леночка мучительно долго выбирала и влюблялась поочередно в каждого из них, пока в конце концов не втрескалась смертельно в пожилого, больного и сильно пьющего режиссера Петра Матвеевича Зингермана, эвакуированного вместе с театром.

Помимо прочих недостатков, таких как два неудачных брака, пятеро детей (и это только официальных, раскиданных черт-те где на огромных просторах родины!), диабет и хромота на левую ногу, у режиссера были вздорный и ворчливый характер, гадкая привычка сплевывать на землю желтую от большого количества никотина слюну, рыхлые щеки нездорового цвета и мутный тяжелый взгляд. Вся его жизнь проходила в непрерывном конфликте с окружающим миром, и для поддержания формы он периодически устраивал скандалы, вляпывался в неприличные истории и вечно был с кем-то в ссоре. Чтобы не забыть, с кем именно, он даже записывал имена в специальную книжечку и помечал: с этим не говорить полгода, а с тем – три.

К тому же он был намного старше не только Леночки, но и даже Мусечки, что в придачу ко всему прочему не оставляло шансов на удачное продолжение знакомства. Впрочем, Леночку это ничуть не смутило.

Леночка выросла отнюдь не красавицей, но все, глядящие на нее, безусловно, отмечали аккуратное личико, не лишенное приятности, длинные выющиеся волосы, бледность лица и смысленный задумчивый взгляд карих глаз. Такими качествами, конечно, нельзя было привлечь толпу поклонников, но режиссер клюнул – то ли на ее кроткую нежность, то ли на терпеливую надежность, то ли просто на молодость и неопытность.

Чем он привлек Леночкино внимание, было несложно угадать. Так уж получилось, что в неприглядную внешность режиссера вместе со склочным характером было вложено дарование такой мощи, что оно затмевало все прочие недостатки. Вынь его, этот талант, и останется старый, облезлый, толстопузый жлоб. А поставь обратно – и вдруг, как по волшебству, появится харизма, а с ней и кипучая злость, и азарт, и суровое обаяние. Вот его-то и разглядела Леночка в мрачном и, в общем-то, неприглядном облике режиссера.

Леночка была влюблена отчаянно. Их страстные свидания проходили втайне и были наполнены таким чувством, что вскоре то ли по недосмотру, то ли вследствие каких-то иных обстоятельств она обнаружила себя беременной. Первым порывом будущей матери было избавиться от плода любви, чтобы не мешал устраивать молодую счастливую жизнь. Тишайшая Мусечка своим женским чутьем угадала, что происходит с дочкой, раньше, чем сама Леночка решилась сказать об этом. Усадив ее вечером на единственный в комнате стул, она спросила участливо:

– Что случилось, доченька?

Леночка отвела глаза в сторону. Все ее худенькое тело напряглось, уголки рта втянулись внутрь, кулачки крепко сжались.

– У меня проблема, – наконец процедила она. На самом деле она давно уже поняла, что проблему нужно решать самым радикальным способом, но у нее не было для этого ни денег, ни соответствующих знаний и связей.

Мусечка мигом сообразила, о какой проблеме идет речь, и заявила с решительностью, какой от нее никто (и в первую очередь она сама!) не ожидал.

– Не позволю дите убить! – сказала она категорически. – А вдруг не даст Бог больше?

Леночка посмотрела на нее с возмущением.

– Мама, какой Бог, что ты несешь!

– Я знаю, что говорю, – ответила Мусечка веско.

Та бросила на нее яростный, полный ненависти взгляд.

– У тебя своей жизни нет, так ты еще и мою угробить хочешь?

Эти слова больно ужалили Марию Иосифовну – так, что на секунду она даже потеряла дар речи. Никогда еще дочь не позволяла себе говорить с ней жестоко и несправедливо! Леночка знала об этом, но эгоизм молодости вместе с влюбленностью, стыдом и страхом начисто выбил из ее маленькой головки здравый смысл. Умудренная возрастом и побитая жизнью Мусечка решила не обижаться.

– Вырастим, – сказала она голосом, не ведающим сомнений. И сама испугалась собственной смелости.

В положенный срок Леночка родила сына. Из роддома их пришла забирать только Мусечка с жалким букетом гвоздик. Дома остались двухметровый отрез хлопчатобумажной ткани и шесть метров марли, подаренные Мусечке трудовым коллективом библиотеки. Леночка рассеянно посмотрела на цветы, взяла небрежно и сунула матери скукоженный сверток. Так Мусечка и пронесла его до самого дома, не раскрывая, лишь прислушиваясь к сопению маленького носика.

Поначалу Леночка с ужасом взидала на сморщенный красный комочек, отчаянно вопящий и беспомощный, навсегда изменивший ее жизнь и превративший в пропащую женщину, с точки зрения общества. Намного позже пришла нежность к этому крохотному существу, такому беззащитному и доверчивому, умиление от его маленьких ручек, цеплявшихся за прядь ее волос, от ротика, смакующего каждую каплю ее молока, от трогательного румянца на его щеках, когда он, сытый и умытый, засыпал на ее руках. И постепенно все сомнения и опасения ушли сами собой. Леночка влюбилась раз и навсегда, и эта любовь была куда сильнее всех предыдущих увлечений.

Папаше решили сообщить о наличии сына постфактум. Это тоже было решением Мусечки, не питавшей никаких иллюзий по поводу мужского пола. Несмотря на отсутствие собственного опыта, она подозревала, и не без оснований, что любой из его представителей, особенно многократно женатый и жизнью крепко потрепанный, непременно решит уклониться от исполнения своих отцовских обязанностей.

Через год после рождения сына Леночка, закутав его в одеяло и с трудом подняв потяжелевший груз, торжественно отнесла ребенка в театр, прямо в кабинет папаши. Тот слегка побледнел и судорожно потянулся за папиросой. Хотел было закурить, но Леночка сурово его одернула:

– Здесь ребенок!

Тот сглотнул невидимый дым и прохрипел:

– Чей?

– Твой, – улыбаясь, ответила Леночка.

Папаша ошалело переводил взгляд с младенца на торжествующую Леночку. Ребенок спал, посапывая, в своем одеяле. Леночка требовала принятия ответственности.

– Не мой, – ответил папаша.

Лицо Леночки омрачило тяжелое разочарование.

– Денег нет, – добавил он, чтобы рассеять все сомнения. И, воспользовавшись моментом, зажег папиросу и затянулся.

Леночка вспыхнула, покраснела, прижала сопящий сверток к груди.

– Ах, ты... – только и смогла выдавить она и, не сдерживая слез, выбежала вон.

Мусечка была права. Ленечка оказался единственным ребенком, которого Леночке было суждено привести в этот мир, а мучительный роман с его папочкой – единственным значимым любовным переживанием в ее жизни. Последующие редкие связи не приносили ни удовлетворения, ни радости, ни последствий. Напрасно Мусечка копила для нее приданое: две льняные скатерти и отрез роскошного хан-атласа, гладкого, блестящего, из чистого шелка, который она как-то очень удачно и почти даром приобрела на блошином рынке. Все это богатство так и пролежало в Мусечкином красном тяжелом сундуке, обитом медной проволокой, потому что замуж Леночке было выйти не суждено.

Жили они в домике тетки, которая к тому времени благополучно скончалась, оставив своих приживалок и одновременно сиделок законными наследницами. К тому же впереди маячила перспектива дальнейшего расширения городской застройки и, как следствие, улучшения жилищных условий. Было решено не искушать судьбу возвращением на большую землю и не подвергать ребенка лишним травмам, связанным с переездом и жизнеустройством. Да и зачем? Им было хорошо и здесь, в этом горячем, шумном и относительно сытом краю. Собственно, и ехать им было некуда.

Леонид

Он трудился над Аллочкой долго, без особого удовольствия, будто исполняя неприятную, но необходимую повинность. Аллочка мечтательно закатывала глаза и поглядывала на часы – ей еще нужно было успеть забрать ребенка из садика, заскочить к бывшей свекрови за деньгами, оставленными бывшим мужем, выяснить насчет скидок в модном магазине, купить пару йогуртов, помыть голову перед вечерним свиданием и позвонить подружке, рассказать, как у них с Леонидом было. Поэтому она слегка нервничала, а он упорно выполнял свой мужской долг, будто обречен был на это. Наконец, выполнив, тяжело отвалился. Аллочка похлопала глазками, вспорхнула и убежала, легко перебирая стройными ножками.

Леонид закурил и задумался. Сначала мысли в голову не приходили вовсе – только какие-то обрывки. Потом он подумал о том, какое сегодня число. Потом – какой день недели. Особых планов на ближайшее время не было, и новостей никаких тоже не предвиделось – так же, как никаких больших сложностей.

Все устроено.

Потом он подумал, что у Аллочки, кроме ножек, ничего интересного нет. В этом он уже не раз убеждался, но зачем-то они снова и снова оказывались вместе. Все-то у нее на своих местах – ноготки подпилены, волосики уложены, реснички приклеены, улыбочка нарисована, голосок чувственный, лифчик отстиранный... И сама вся такая беленькая, такая чистенькая и аккуратненькая (а главное – насквозь фальшивая!), что аж тошнит. И кожа у нее мягкая и рыхлая, как тряпка, и трогать ее почти неприятно, потому что кажется – если случайно нажать слишком сильно, мясо с жирком полезет наружу... И чем она его привлекла? Господи, ну ни мозгов, ни внешности! Таких девиц – полстраны, выбирай любую. Зачем ему нужна эта пошлая Аллочка, которая к тому же еще и тянет из него деньги? И взамен никаких удовольствий. Да, что-то стал терять сноровку знаменитого бабника и сердцееда! Что-то нюх совсем притупился.

* * *

А потом стало пусто. Это ощущение копилось давно, нарастало, крепло, взрослело, пока наконец не созрело. Оно зубасто улыбнулось и торжественно объявило, что никуда уходить не собирается. Он прекрасно помнит, в какой момент это произошло – прошлой весной.

Они тогда репетировали комедию, где ему досталась главная роль. Его задачей было изображать идиота, который не понимает, что он идиот, и этим ужасно смешить публику. Это получалось у него отменно, потому что, только обладая интеллектом, можно играть дурака, а Леонид им обладал. Он умел выуживать из своего нутра тот образ, который необходимо было изобразить, умел надевать на себя нужное лицо, умел так преобразиться, что ему начинали верить. Он был профессионалом.

Дурачок в пьесе выглядел так, как и должен выглядеть: в нелепом наряде, со смешными очками на носу, с идиотской миной на морде. После репетиции, не выходя из образа, артисты вышли к служебному ходу, чтобы перекурить. В театре с некоторых пор курение категорически запретили. Был погожий мартовский день, канун праздника Пурим, когда по всей стране проходят веселые карнавалы. Мимо шла толпа людей в маскарадных костюмах, с нарисованными усами, приставленными синтетическими ушами и прицепленными сзади хвостами. Увидев актеров в сценическом гриме, шествующие приветствовали их криками и свистом, по всей видимости, приняв за своих. Артисты помахали в ответ, перекинулись парой фраз. Шествие скрылось за поворотом, актеры вернулись в зал, а Леонид остался. Ему впервые стало стыдно. Когда он был ребенком, мечтавшим о сцене, такого с ним не случалось, когда был начинающим артистом, стремившемся к славе, – тоже. А теперь ему, стареющему, дряхлеющему, потухшему

и уставшему, стало стыдно, хотя в его жизни и в профессии все сложилось успешно. Даже более чем! Он был знаменитым артистом, его приглашали ведущие театры страны, он много снимался в кино, даже вот недавно американцы взяли его в эпизод очередного дурацкого сериала, где он сыграл честного полицейского... И деньги заплатили приличные. Хотя, конечно, самые большие деньги приходили от рекламы. Еще лучше дела шли в интернете. Там время не ограничено, можно даже целый минутный ролик записать. Иногда подворачивались халтуры: озвучка, дубляж, дикторские тексты... Но это скорее так, подработка. Ничего особенного. Но он хорошо зарабатывал, это правда! Не охотился за предложениями, но и не отвергал их. Соглашался почти всегда, как будто боялся упустить еще одну возможность, еще один, пусть маленький, шанс.

Он вообще был счастливчиком – особенно если смотреть со стороны. Везение не изменяло ему с того самого момента, когда на худых трясущихся ногах он впервые вышел на сцену провинциального театра под оценивающие взгляды публики. С тех пор как ему поставили диагноз «талант», он ощущал в себе огромную силу, желание, страсть, идеи, тонкость восприятия, впечатлительность и чувствовал, что жизнь открывает для него большие возможности; что будущее его великолепно и блестяще; что впереди его ждут восторг и слава... Он собирал залы и знал, что публика приходит специально, чтобы посмотреть на него. Когда он читал стихи, народ рыдал. Когда он начинал петь – негромко, но проникновенно, – зал растворялся в его голосе. Он чувствовал в себе небывалый дар удерживать толпу в напряжении, подавлять своей силой, подчинять своей воле. Он умел владеть голосом: интонацией, тональностью, высотой звучания. Умел говорить еле слышно, шипящим баритоном, но так проникновенно, что от этого звука мурашки шли по коже. Умел повышать голос, вплоть до фальцета, нервного, лихорадочного, почти истеричного. Он мог быть мягким и вкрадчивым, мог быть суровым и надменным... Он был профессионалом. Но харизму свою растерял по дороге, усыпанной любовными связями, пошлыми знакомствами с нужными людьми, душевными беседами на прокуренной кухне под водку и портвейн, скучными творческими вечерами и просто неправильно сложившимися обстоятельствами. Его лицо, созданный им образ растащили на плакаты и фантики для жвачек, а дар его растворился в толпе глупых возбужденных поклонниц. «Поистрепался», – сказала бы Мусечка, будь она жива. Жажду успеха заменяли другие, привычные радости, которые, как мыльная пена, обволакивали его и дарили зыбкое счастье, а неуловимая мечта отдалялась неизбежно, позволив лишь слегка коснуться себя. Иногда, мысленно разговаривая сам с собой, он рассуждал о том, живут ли в нем еще эти юношеские грезы. Прислушивался к своему нутру, смотрел «вглубь», и внутри что-то колыхалось, напоминало о себе... Но скромно, как бедный родственник, прибывший на побывку. Тогда он успокаивал себя тем, что не очень-то и хотелось.

А еще он чувствовал, как подкрадывается старость. Как силы понемногу оставляют его, как подкатывают усталость, слабость, уныние и апатия. Иногда в моменты особого душевного подъема ему казалось, что он молод, как и прежде. Но эти порывы воодушевления и восторга все чаще сменялись тоской и бессилием.

Леонид

Так началась их жизнь втроем. На Ленечке были сосредоточены все душевные силы двух одиноких женщин, ему были отданы лучшие годы и сильнейшие чувства, на него возлагались самые смелые надежды.

Поначалу мама с бабушкой не знали, как обращаться с младенцем, который не только своим внешним видом, но и характером отличался от привычных для них норм поведения. Он нахально орал, требуя материнскую грудь, звонко вопил, не соглашаясь с установленным режимом послеобеденного сна, да и вообще всячески нарушал заведенный порядок и течение жизни. Он требовал к себе внимания ежесекундно, диктовал родственницам собственные правила и вымогал оглушительными визгами исключительного уважения к собственной персоне. Если его потребности не удовлетворялись незамедлительно, мог в отместку опустить мать и бабушку горячей струей возмущения. Но они в обожании своем прощали ему все. Теперь воспитание Ленечки полностью поглощало внимание и время Мусечки и Леночки.

И все трое были вполне счастливы.

Так продолжалось до тех пор, пока Ленечке не исполнилось три года. После этого он внезапно и незаметно вырос, возмужал и превратился в крепкого, рассудительного и почти взрослого мужичка. Вскоре, сами того не осознавая, женщины наградили его не только ролью всеобщего любимчика и единственного мужчины в их жизни, но и делегировали ему полномочия главы семейства, чем он удачно воспользовался, научившись ловко манипулировать мамой и бабушкой, которых он называл не иначе как по имени: Мусечка и Леночка, а не бабушка и мама. К восторгу обеих, разумеется.

Леночка, оправившись от несчастной любви и откормив сына жирным густым молоком, пошла учиться. На семейном совете было решено, что ей нужно получить приличествующую женщине профессию, и сошлись на том, что филологический факультет – самое то что надо.

За годы, проведенные в относительной сытости и безусловном тепле, Мусечка набрала вес, распрямила спину и в целом похорошела и расцвела. А к тому моменту, как стала бабушкой, и вовсе превратилась в красавицу – вставила зубной протез, сделала модную прическу с волнующими образами локонами, стала шить себе платья... Разные – с тонкими выточками и кружевными рюшами, с рукавами-колоколами, как у кинозвезды тридцатых, приталенные, расклешенные книзу, в стиле французских модниц, из гипюра, сатина и даже бархата. Она любила рукодельничать: шить, вязать и вышивать. Даже кружево плести научилась. Получалось и себя приодеть, и даже подзаработать.

Раньше, когда дочь была маленькой, Мусечка пыталась приобщить ее к ручному труду – учила пришивать пуговицы, штопать носки, делать простейшие выкройки... Но дальше крикового фартука дело не пошло. Леночка тяготилась любой ручной работой, которую в глубине души считала бабской, а значит, презренной, и никакие уговоры матери не казались ей вполне убедительными. А Мусечка, глядя, как она с тоской и мукой крутит ручку швейной машинки, печально думала: «Что из нее выйдет?»

Как показала практика, Леночка не проявила интереса к украшательству, даже став взрослой. На материно щегольство она смотрела рассеянно, сквозь толстые очки, казавшиеся слишком большими и нелепыми на маленьком худом личике. Ей были чужды эти «буржуазные замашки», она демонстративно пренебрегала и тушью для ресниц, и душистым мылом, и губной помадой, презрительно фыркая, когда мать вертелась перед зеркалом.

– Куда ты так наряжаешься? – ворчливо спрашивала она, глядя, как та, строя глазки и выпячивая губки, любовалась своим отражением. – На тебя смотреть тошно!

– Леночка, жизнь-то проходит, а как хочется быть красивой! – отвечала Мусечка.

Леночка только презрительно фыркала.

– Может, ты еще и замуж соберешься?

Но замуж, конечно, Мусечка не собиралась. Она добросовестно выполняла свои обязанности бабушки, а также кухарки, прачки, уборщицы, соплевытирательницы, слезыосушательницы и бытосоздательницы. Она научилась все делать быстро и незаметно, с неизменной улыбкой на подкрашенных красной помадой губах, с бодростью в голосе, с легкостью и радостью, присущей только человеку, знающему, как дорого стоит простая безмятежная жизнь и как легко можно ее потерять.

Ленечка с бабушкой проводили жизнь в блаженстве. Вставали не раньше девяти утра (Леночка к тому времени давно уже уходила в институт), потом долго мурлыкали в постели, щекотали друг друга и смеялись. Блаженство заканчивалось в тот момент, когда наступало время завтрака. Мусечка подходила к вопросу основательно, кормила внука исключительно домашними свежими блюдами: ленивыми варениками, сырниками, блинчиками, оладьями и, конечно, кашами. Ленечка ненавидел такую еду, поэтому кормление превращалось в ежедневное страдание и растягивалось на мучительные часы.

– Не понимаю, откуда в нашей семье такой барин взялся, – сокрушалась Мусечка. – Никогда такого не видела, чтобы ребенок отказывался кушать! Твоя мама никогда себя так не вела!

Но Ленечка упрямо закрывал рот, когда бабушка пыталась накормить его, и сердито плевался, если ей удавалось запихнуть ложку.

Пока собирались и выходили гулять, наступало время обеда. Мусечка уже была готова к этому – заранее, с вечера, варила супы и жарила котлеты. История с кормлением повторялась заново и нередко длилась до прихода домой матери и того момента, когда Мусечке самой приходилось отправляться на работу, в ту самую библиотеку, из которой только что возвращалась Леночка. По вечерам Мусечка для поддержания слишком скудного бюджета подрабатывала там же уборщицей. Работа ей нравилась, хоть и была трудной и неприятной. Зато платили, и пока дочь училась, Мусечкина зарплата и Леночкина стипендия позволяла им еле-еле оставаться на плаву. Жили скудно, даже бедно – экономили, высчитывали каждую копейку, копили, выгадывали... Но никогда не жаловались. Да и на что жаловаться-то? Крыша есть, еда, слава богу, тоже. К тому же Леночка уже со второго курса начала репетиторствовать и писать курсовые работы на заказ. Она допоздна засиживалась со своими тетрадками, гробила глаза, осанку и свою молодость. Мать понимала, как ей трудно, жалела и оберегала от бытовых хлопот.

Леночка отучилась, не блистая, но и не проваливаясь откровенно, получила диплом и очень удачно устроилась корректором в республиканском издательстве.

К тому времени бабушка была уже физически измождена и психологически истощена общением со внуком и бесконечными готовками. Поэтому Леночка вскоре приняла волевое решение отправить сына в детский сад для привития навыков общения с коллективом и повышения сознательности.

В детском саду Ленечка впервые столкнулся с несправедливостью. Для начала на завтрак подали сбитую комками ненавистную кашу, и Ленечка виртуозным плевком отправил ее в глаз заведующей Нины Федоровны, за что был наказан и провел остаток времени, отведенного на завтрак, в холодном сортире, рядом с дыркой в полу вместо унитаза, в которой плавали чьи-то какашки.

Попытки влиться в коллектив закончились так же бесславно, как и начались. Ленечка отказывался спать во время тихого часа, отказывался пить тошнотворно-сладкий компот, отказывался ходить в строю, петь хором и слушаться старших и потому немало времени проводил в холодном вонючем туалете. Ко всем бедам он оказался еще и задымленным спорщиком. Однажды на глазах у всех он съел бумагу для рисования, закусив карандашом. Сделал это исключительно в знак протеста и на спор (после чего последовало долгое и мучительное промывание желудка, вызов красной от стыда Леночки к директору, выговор и общественное порицание).

После этого случая Мусечка сняла зубы и шиньоны, смыла красную помаду, залезла в постель и сообщила торжественно:

– Я слегла.

Что это означало, было не очень понятно, потому что Мусечка отродясь ничем не болела. Но в подтверждение своей немоги она сообщила:

– Мне плохо.

Леночка, как приличная дочь, конечно, засуетилась вокруг матери, но та не могла точно указать причину недомогания и место болезни в своем организме. Она просто сказала:

– Я не могу смотреть, как ребенок мучается. Лучше мне умереть прямо здесь.

Леночка поняла, что из-за этого дурацкого детского сада она рискует остаться сиротой с ребенком на руках, поэтому уже на следующий день вопрос с воспитанием социальных навыков был закрыт. Ленечка с Мусечкой снова были счастливы.

Вместе со школой появилась необходимость заняться физическим развитием. Согласно бабушкиному диагнозу к спорту он был неприспособлен категорически, тем более что часто подхватывал простуды и разные болячки – от ветрянки до скарлатины. Но мать оставалась тверда как камень: ребенку нужно физическое развитие.

– Куда! – взмолилась Мусечка. – У ребенка сопли и обширный панкреатит!

– Мама, не мели ерунды, – строго ответила Леночка. – Панкреатит бывает только в поджелудочной железе, а сопли бывают у всех, – заметила она убедительно.

После долгих препирательств решили отправить Ленечку в кружок плавания. Отбор был простой – тренер Валерий Кириллович зычным голосом орал:

– Раздеваемся до трусов, прыгаем в воду и плывем!

Ленечка послушно разделся, прыгнул в воду и пошел ко дну. На счастье, бабушка быстро обнаружила пропажу, подняла вой, и Ленечка был спасен – правда, со спортивным будущим пришлось распрощаться. Но это и к лучшему, потому что обширный панкреатит и спасительные сопли подарили освобождение от уроков физкультуры. Правда, он честно посещал их, сидя в спортзале, набитом «козлами», «конями» и прочим инвентарем, скучая и поглядывая по сторонам в поисках развлечения. Так как вокруг ничего особо интересного не наблюдалось, Ленечка задумчиво разглядывал девочек, скачущих через «коней», и размышлял, что у них находится под одеждой. Некоторые обещали стать вполне симпатичными в будущем, кое-где у них даже намечались округлые формы.

Однажды он совершил ошибку. Никто из класса не мог выполнить сложное упражнение на отжимание, а Ленечка тогда был отчаянно влюблен в девочку Зину, задумчивую и томную. Совершенно забыв про свои диагнозы, он зачем-то встал со своего места и отжался от пола целых пять раз, не понимая, откуда у него взялись на это силы. Девочка Зина была покорена, но с физруком начались проблемы. Он вызвал Леночку в школу и устроил скандал:

– Вы ввали, что ребенок болен, а он здоров, как ленивая свинья!

Леночка мужественно вынесла сравнение сына с ленивой свиньей, но с тех пор об освобождении от физкультуры можно было забыть. Жизнь его проходила под жестким женским контролем. Бегать и играть с детьми считалось вредным и опасным. Ходить в гости к соседям было негигиенично. По той же причине было нежелательно приглашать других детей – мало ли какую заразу можно от них принести. Да и вообще, о чем с ними, с бескультурными, было говорить интеллигентному тихому мальчику?

В походы Ленечка не ходил, потому что у него были слабые почки. В лагерь не ездил из-за гастрита. У него вечно случалась то гнойная ангина, то острое пищевое отравление. Он постоянно подхватывал какую-нибудь инфекцию. Бактерии буквально одолевали его несчастный организм, вирусы не давали ему прохода, а кишечные палочки вместе с глистами так и норовили в нем навечно поселиться. При любой попытке Леночки наладить спортивно-обще-

ственную жизнь сына Мусечка водружалась на старую бабкину постель и начинала громко стонать:

– Мне плохо. Кажется, я умираю. Может быть, у меня колики в мочевом пузыре?

– Мама, в мочевом пузыре бывают камни. А твои колики – это обычный метеоризм, – говорила Леночка чуть не плача.

Правда, были в Ленечкином парниковом детстве и светлые моменты, но возникли они к тому моменту, когда ему исполнилось уже лет десять и он начал проявлять характер, а иногда и в открытую бунтовать. Таким стало появление в их дворе странного вида старухи, которую тут же прозвали Людоедкой. Никто не интересовался, откуда она взялась и давно ли, была ли у нее когда-нибудь семья и чем она зарабатывала на жизнь. Естественно, в связи с многочисленными загадками таинственная фигура ее обрастала мрачными дворовыми легендами. Одна из них гласила, что старуха созывает детей в свою заваленную хламом и ведьминским снаряжением комнату, чтобы там производить с ними странные ритуалы. Своим вызывающим видом она лишь добавляла перца в клоочущий бульон соседских сплетен и пересудов: огромная, две Мусечки в высоту и три Леночки в ширину, с черными торчащими волосами, в нелепых ярких нарядах, с дребезжащими браслетами из поддельного, разумеется, золота на руках и с густо подведенными бровями она производила впечатление загадочное и немного пугающее. Но дети любили ее, тянулись к ней, как маленькие послушные винтики притягиваются к мощному магниту. Несмотря на запреты взрослых, на запугивания и обещания суровой кары, они шли к ней, в ее ведьминское логово, где проводили долгие часы – сохраняя полную секретность, естественно. И Ленечка тоже тянулся к этой загадочной личности и шел на самые смелые и опасные ухищрения, чтобы попасть к ней.

Наконец в один прекрасный весенний день, когда снег давно растаял, доверчивые крохотные почки потихоньку окрепли и выпустили первую нежную листву, а солнце еще не начало припекать так свирепо, как в летние месяцы, случилось то, к чему так долго и тщательно готовилась малышня под руководством Людоедки: отчетный концерт.

Ради этого пришлось рассказать о долгих часах, проведенных в доме сумасшедшей старухи, за что многие юные артисты получили нагоняй, а некоторые даже были больно биты. Но в назначенный день родители вынесли во двор стулья, под руководством Людоедки была сооружена сцена, сшиты кулисы и сценические костюмы. Сама руководительница выступала в качестве аккомпаниатора – лихо играла на аккордеоне, успевая при этом отбивать ногой такт, улыбаться, демонстрируя железные коронки на зубах, отдавать указания артистам и подмигивать обалдевшей публике.

Были показаны номера разной степени бездарности, но в конце, на десерт, выступал Ленечка. В цветастой широкой юбке, с нелепым кудрявым париком на голове, с накладными сиськами и чешуей из фальшивого золота на шее он выглядел настолько неожиданно и странно, что поначалу его не узнали даже бабушка с мамой. Но когда под скрипучий разлив аккордеона Ленечка пустился в пляс, зрители разинули рты. Людоедка улыбалась, раскачивая патлатой головой и отбивая такт, мама с бабушкой артиста ошалело глядели на его ладную, ловко слепленную фигурку, на его легкие, плавные движения, его природное, совершенное не выученное владение своим телом, на полное отсутствие в его глазах стеснения или страха, и постепенно наливались гордостью за этого маленького мужчину, который талантом и артистизмом затмил всех в их интернациональном среднеазиатском дворе. Наконец раздался последний аккорд, артист замер в поклоне, и публика взревела от восторга. Это был первый настоящий успех. Никогда больше Леонид не испытывал этого будоражащего, возбуждающего триумфа, чем в тот момент, когда взгляды всех обитателей их маленького грязного двора были с восхищением обращены на него. Он украдкой взглянул на родительниц – те плакали от умиления, совершенно не понимая, в какой момент их маленький, хилый, вечно болезненный мальчик превратился в такого крепкого и поджарого красавца. Всхлипывала даже старая Людоедка. Эх,

женщины! Ничего вы не понимаете в мужских достижениях. Был бы отец, он бы пожал руку – в знак уважения. А эти только рыдать умеют. Но все же он был счастлив. Эта была победа.

После концерта даже старая Людоедка начала пользоваться уважением среди соседей, хотя ее по-прежнему считали сумасшедшей – ну кому в здоровом уме придет в голову возиться с чужими детьми, да еще и бесплатно? А к Ленечке с тех пор во дворе намертво приклеилась кличка «Артист». Он не возражал. Он и правда был артистом.

Моисей Иосич

Ветхая хибарка в районе трущоб, где ютились Мария Иосифовна, Елена Константиновна и Ленечка, давно уже пришла в негодное для жизни состояние. Слепленная наскоро, из глины, известняка, навоза и черт знает чего еще, она покосилась, вросла в землю и покрылась мхом. Даже пол, давно уже затоптанный, ушел под землю. Жильцы часто ловили себя на мысли, что живут они не в доме, а в подвале. Да и в стране происходили тектонические сдвиги. Был принят сталинский план преобразования природы, росли великие стройки коммунизма, было создано ядерное оружие и снижена детская смертность. Потом культ Сталина был развенчан и по радио транслировались шокирующие разоблачения с Двадцатого съезда партии. Эти события слабым эхом доносились до них и почти не отражались на размеренной, неторопливой жизни семьи.

До разрушительного землетрясения, потрясшего всю страну, было еще далеко, но и в жарком сонном городе происходили некоторые изменения. Были построены новые микрорайоны, куда торжественно переехали Мусечка с Леночкой и Ленечкой. Им выделили целую однокомнатную квартиру на первом, правда, этаже. Зато комната была большая – почти двадцать метров! Это ли не счастье?

Население микрорайона было пестрым, шумным и в целом добродушным. Здесь царил настоящий интернационал, а не тот, о котором взахлеб рассказывала учительница на уроках советского права, цитируя труды классиков марксизма-ленинизма. Здесь русский алкаш Федька бил смертным боем свою жену, татарку Фариду, а сосед, одноглазый Зураб, тайно (хотя об этом знали многие во дворе!) мастерил дамские туфельки и мужские сандалии из тонкой телячьей кожи, которой его снабжала подпольная миллионерша Роза. Здесь беззубая старуха Марта, из ссыльных немок, гнала отличную хреновуху, которая пользовалась одинаковым успехом у дальневосточных корейцев, русских и евреев. Правда, дружбой народов, о которой славали легенды, здесь и не пахло. Всем давали клички и слагали частушки, иногда очень обидные. Русских обзывали «русский-жопоузкий», про евреев распевали неприличные песенки:

Жид-жид
по веревочке бежит,
А веревка лопнула,
и жида прихлопнуло.

Но труднее всех приходилось немцам. Они стояли в самом низу национально-иерархической лестницы. Их дразнили изощренно, называя фашистами и сочиняя куплеты:

Внимание, внимание,
говорит Германия.
Сегодня ночью под мостом
поймали Гитлера с хвостом.

Так и жили, переругиваясь и пересмеиваясь, правда, никогда не доводя ситуацию до настоящего большого скандала. Здесь вместе пили и вместе били, вместе пели и вместе поминали. Двор жил своей насыщенной жизнью, наполненной драмами и трагедиями, анекдотами и чрезвычайными событиями.

* * *

Выделенную комнату поделили надвое, поставив широкую ширму: в одной части обитали дамы, в другой, совершенно автономно и независимо, юный Ленечка. Нехитрые Мусечкины пожитки умещались в сундук, который по ночам служил спальным местом. Специально для удобства подставляли табуретку – чтобы ноги не свисали во время сна. Леночка ютилась на раскладушке, которую каждое утро собирала и прятала за штору. Таким образом получалось, что у нее было личное пространство, вмещавшее в себя стул и журнальный столик с настольной лампой, который, правда, приходилось выносить каждый вечер в коридор, потому что стол с раскладушкой вместе не помещались никак.

У Ленечки же было столько места, что, будь у него велосипед, он бы непременно на нем рассекал по своей личной комнате. Но велосипеда не было, поэтому приходилось ходить пешком. Пока Ленечка был маленький, его комнату использовали в качестве семейного общественного пространства, и именовалась она залой. В зале стоял единственный в доме шкаф, комод на резных ножках, на нем – фотографии. Тут же помещался небольшой диван, на котором Ленечка спал, а потом, много позже, когда появился телевизор, этот же диван использовался для вечерних просмотров программы «Время».

А вообще же все трое были счастливы. Мусечка – оттого что у нее появился прекрасный обзор на двор из окна кухни, где она проводила долгие часы, созерцая реальность и слушая радиоприемник. Теперь ее утро начиналось с бодрого:

– Приготовьтесь к выполнению гимнастических упражнений!

Она кромсала салаты, перемалывала фарш и лепила пироги под захватывающие радиоспектакли и утирала слезы, в очередной раз прослушивая песню про город у Черного моря. Леночка – потому, что впервые в ее жизни наконец были теплый сортир, в котором не воняло, собственный закуток и какая-никакая, но упорядоченная жизнь. А Ленечка – потому, что был юн и обожаем.

Он быстро разобрался в полной бестолковости мамы и бабушки. Как воспитательницы они были абсолютно профнепригодными. Пороть не умели, лупить тоже, даже в угол и то поставили лишь один раз в жизни, когда Ленечка злобно пнул бабушку ногой за какую-то мелкую ее провинность, а затем еще громко крикнул:

– Брысь отсюда!

И то стоял недолго – минут десять максимум, пока сердце материнское не дрогнуло, и он, с громким воем выбежав из места своей временной ссылки, уткнулся в ее колени и горько-горько зарыдал. Этого единственного случая было достаточно, чтобы раз и навсегда закрыть вопрос о санкциях.

То же касалось и всякого рода поощрений. Родительницы отличались тупой непробиваемой бестолковостью в вопросе о подарках. В то время, как весь двор мечтал о велосипеде, ну, или хотя бы футбольном мяче, они дарили совершенно никому не нужные тетрадки, карандаши (ровно две штуки, синий и красный), полезные в хозяйстве носки, трусы и вязанные шарфы. Все это богатство Ленечка принимал с унылым вздохом.

Но переезд стал для Ленечки спасением, потому что здесь возможности бабушки и мамы контролировать его воспитание и развитие стали несколько ограниченными. Главным воспитателем, просветителем и учителем стал двор. В десять лет Ленечка попробовал сигареты, в двенадцать впервые выпил портвейн, а в тринадцать увидел голую женщину – пьяную соседку. Ни первое, ни второе большого восторга не вызвало, зато грязное, опухшее женское тело всколыхнуло еще не осознанный, но уже явно ощущаемый мужской интерес и повергло юношу в длительное томительное беспокойство.

* * *

– Здравствуйте ребята! Слушайте «Пионерскую зорьку»! – Так начиналось Ленечкино утро. Вообще-то, радиопередача про жизнь пионерии предназначалась для учеников средних и старших классов, но умненький Ленечка слушал ее уже лет с пяти. Он вообще развивался явно с опережением графика.

Под бабушкиным руководством мальчик научился читать уже в четыре года и стал заядлым книгочеем. Вскоре после переезда он освоил дорогу в местную библиотеку, которая не отличалась богатым книжным фондом, но вмещала все что нужно, чтобы удовлетворить мальчишеское любопытство: полное собрание сочинений Дюма, Жюль Верна, Льюиса Стивенсона и Фенимора Купера. Ленечка читал запоем, как и полагается интеллигентному мальчику. Однажды бабушка принесла из библиотеки фантастическую повесть «Земля Санникова», и Ленечка немедленно погрузился в чтение. Его так потрясла история о затерянной земле, что он тут же уселся за контурные карты – вычислять ее местонахождение. После нескольких дней напряженной работы расположение загадочной «земли» было обнаружено.

– Я нашел, – совершенно серьезно сообщил он бабушке и матери вечером за ужином.

– Что?

– Затерянную землю. – Мать с бабушкой переглянулись. – Я отправляюсь в экспедицию, – продолжил Ленечка все тем же невозмутимым тоном.

– Да ты с ума сошел! – воскликнула бабушка.

– Надеюсь, ты шутишь, – сухо заметила мама.

– Нет, – ответил он твердо и спокойно. – Не шучу.

Женщины снова переглянулись. Конечно, сложно было представить себе малолетнего Ленечку, в одиночку отправившегося в экспедицию, но с другой стороны, такие попытки нужно было пресекать в зачатке.

– У меня идея! – сообщила Мусечка с радостным видом. – Давай мы напишем письмо писателю, а ты расскажешь, где находится эта земля!

Ленечка отнесся к предложению с энтузиазмом. За вечер было написано и тщательно упаковано письмо вместе с контурной картой, где отмечены координаты затерянной земли. Но самое поразительное произошло через два месяца, когда пришел ответ от автора книги. Тот сердечно благодарил Ленечку за проявленный интерес, но сообщал, что координаты приблизительные и по ним выявить истинное местоположение невозможно. Эта история потом передавалась с многочисленными подробностями всем знакомым и малознакомым лицам.

Но настоящий звездный час его наступил потом. Во дворе все знали, что он любитель чтения. С книжкой выходить во двор было западло – засмеют, да еще назовут евреем. На это Ленечка крепко обижался и тут же бросался в бой, потому что знал: быть евреем стыдно и неприлично. Но все ждали его рассказов. Набегавшись после футбольного матча или наигравшись в казаки-разбойники, дети собирались в таких местах, куда взрослые не совались: на чердаке, в подвале, в развалинах старого, давно покинутого жильцами дома. Потные, покрасневшиеся, с влажными глазами и открытыми ртами они слушали рассказы о войне между французами и англичанами, о великих завоеваниях и опасных походах. Память у Ленечки была отличная. Он цитировал целые страницы из прочитанного, изображая в лицах и коварных злодеев, и роковых красавиц, и бесстрашных героев. Иногда Ленечка так увлекался, что начинал сочинять сам, и оригинальный сюжет буквально бледнел и меркнул перед напором его буйной фантазии. Товарищи разинув рот следили за завораживающими событиями, а рассказчик входил в раж и придумывал все более неожиданные комбинации и ходы. В конце концов все заканчивалось сокрушительной победой добра над злом и абсолютным триумфом исполнителя.

* * *

Но вскоре возникла новая проблема, которую Леночка ожидала давно с замиранием сердца. Прозвучавшее слово «байстрюк» хоть было незнакомо, но Ленечка безошибочно понял его значение. Отсутствие отца мучило его, и когда другие мальчишки упоминали о «батнях» и «паханах», это вызывало болезненные уколы зависти.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.